

Н. ФИЛАТОВ

На родине
огнепального
аввакума

Н. ФИЛАТОВ

**На родине
огнепального
АВВАКУМА**

НИЖНИЙ
НОВГОРОД

1991

ББК 63.3(2Р—4НН)
Ф 51

Издание осуществлено за счет средств
Нижегородского отделения Всероссийского
фонда культуры

Средства, вырученные от реализации
книги, будут направлены на издание литературы
о Нижегородском крае.

Книгу оформил
стипендиат Всероссийского фонда культуры
Александр Щелоков

Филатов Н. Ф.

Ф 51 На родине огнепального Аввакума. — Нижний Новго-
род: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. — 63 с.

ISBN 5-7420-0507-5

В книге изложены и обобщены извлеченные из памятников письменности сведения о нижегородских селениях Поповское, Григорово, Лопатищи и о Макарьев-Желтоводском монастыре XVII века, связанных с жизнью и деятельностью известного русского литератора и публициста протопопа Аввакума Петрова.

Ф $\frac{0503020901-005}{M140(03)-91}$ Без объявл.

ББК 63.3(2Р—4НН)

I SBN 5-7420-0507-5

© Филатов Николай Филиппович, 1991

В В Е Д Е Н И Е

Крайне скудны наши знания о нижегородском периоде жизни писателя-публициста, признанного вождя старообрядчества в бунташный XVII век Аввакума Петрова, хотя именно «в Нижегородских пределах» прошли детство и юность Вакушки, как звали его родные и близкие. Именно здесь трудно постигался смысл бытия, в первых столкновениях с людской душевной глухотой и неприятием его чистых помыслов креп дух Аввакума, формировался мир морально-нравственных ценностей. На Нижегородской земле Аввакум Петров стал тем, кем знает его русская история и культура — неистовым проповедником идей нравственного самоочищения от житейской «скверны», бескомпромиссным публицистом, объектом острой критики которого становились и миряне и, казалось, недостижимые в своем величии царь-государь и патриарх.

Для Аввакума не существовало ни недоступных для критики тем, ни огражденных высшими социальными рангами власть имущих, которым бы он не дал при случае уничтожающих характеристик.

Но как вырос этот богатырь духа в сельской провинциальной глуши? Кто составлял окружение Аввакума сначала в Григорове, а затем и в Лопатищах? Кто был сотоварищем игр-забав подрастающего Вакушки? соседом-односельчанином по родительскому дому? Каково полное имя-прозвание родителей его и Анастасии Марковны, верной спутницы жизни Аввакума? Кто из мирских мудрецов-«философов», которыми так богата русская земля, наставлял его на путь дерзаний и поиска истины? Кто слушал первые проповеди молодого иерея? Какова роль Макарьев-Желтоводского монастыря в судьбе Аввакума? Какими, наконец, были села Григорово и Лопатищи на период жизни в них Аввакума?

Вопросы... вопросы... вопросы, без ответа на которые трудно представить в исторической достоверности жизнь огнепального Аввакума на земле его предков.

Прояснению их и посвящается настоящий рассказ, основой для написания которого послужили вновь выявленные в архивах страны документы.

*Доктор исторических наук
Н. Ф. ФИЛАТОВ*

«РОЖДЕНИЕ ЖЕ МОЕ В НИЖЕГОРОЦКИХ ПРЕДЕЛХ...»

месте появления на свет Аввакума мы узнаем из его собственного автобиографического «Жития»: «Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове». Время рождения Аввакума исследователями определяется «1620 или 1621 годом».

Сведения великого нижегородца о собственной жизни всеми признавались авторитетными (кому, как не ему самому, знать факты своей биографии?), потому не подвергались ни сомнению, ни проверке. Только при этом не учитывалось, что писал это Аввакум в преклонных летах, когда за плечами оставалась долгая, наполненная событиями жизнь, когда, определяя свой возраст, заявлял, что ему «от рода на шестой десяток идет»¹, то есть было уже за пятьдесят лет². К тому же факт этот для Аввакума не был принципиальным, ибо осознанное детство он действительно провел в Григорове, а о самых первых годах жизни человек может знать лишь со слов близких (если рассказы об этом были и они запали в душу отрока).

В своем «Житии» Аввакум дает краткую, но достаточно образную характеристику родителям: «Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаще мя страху божию».

Следовательно, если принять авторскую версию о рождении Аввакума, мы должны встретить имя священника Петра с начала 1620-х годов среди официального перечня клира григоровской церкви. До наших дней сохранилась подлинная Переписная книга всех жителей Григорова, составленная в 1621 — 1623 годах писцами Дмитрием Лодыгиным «с товарищи» (весьма удачная по времени, так как зафиксировала всех григоровцев вскоре после рождения Аввакума), в которой приводится и полный поименный список клира ее Борисоглебской церкви:

«дв. поп Артамон Иванов;
дв. дьячек Кирилко Артамонов;
дв. пономарь Ондрюшка Микифоров;
дв. проскурница Ульяница Гарасимова.

Да у церкви живут нищие, питаютца от церкви божией:

келья Ондрюшки Осипова;
келья Михалка Григорьева;
келья Тимошки Микитина;
келья Кондрашка Тимофеева;
келья Мишки Орефьева;
келья Ганки Гарасимова;
келья Игнашки Микитина;

Крепостные валы Олениной горы близ Лыскова, над Сундовиком-рекой. XVII в.

келья Игнашки Тихонова;
келья Гришки Карпова»³.

Отца Аввакума, священника Петра, среди священноцерковнослужителей Григорова в 1623 году еще не было! Попом сельской церкви тогда назывался Артамон Иванов, а дьячком, видимо, его сын, Кирилко. В состав клира входил и пономарь, и проскурница — вдова Ульяница Гарасимова, готовившая просфоры. Вообще это была богатая, с большим составом клира церковь. (Во всем Нижегородском уезде тогда было лишь 2-3 сельских храма с таким значительным составом священнослужителей.) В годы «смут» начала XVII века старая церковь Григорова была сожжена «казаками», и потому в 1614 году сельчане срубили новый храм, избрав для службы в нем попа Оксена Ерофеева и дьячка Федора Иванова⁴.

Но «сельское общество» Григорова, как, впрочем, и других приходов, требовательно относилось к деловым качествам клира своих храмов, в соответствии с этим решая его судьбу.

Назначались тогда сельские священники по челобитьям приходов нижегородским протопопом (главой кремлевского Спасо-Преображенского собора) с выборными церковными старостами и утверждались патриархом. При этом обязательно уточнялись не только деловые, но и морально-нравственные устои священнослужителя: «...не пьет ли, не бражничает ли и к церковному чину искусен ли, и плутовства за ним какова нет ли, и буде не пьет и не бражничает и к церковному чину искусен, и плутовства за ним нет никакова»⁵, то утверждались. В противном случае кандидатура отклонялась, и приходы должны были подыскивать новую.

Таким образом, роль прихожан в судьбах клира сельских храмов в XVII веке была не только активной, но и нередко определяющей. В случае же нарушения попом устоев жизни сельского общества, даже если на это его побуждали высокие помыслы, прихожане физически изгоняли его

из прихода и никакие самые строгие предписания сверху в таком случае не действовали (об этом красочно рассказывает в своем «Житии» Аввакум).

Менее чем за десять последующих лет (с 1614 года) был полностью обновлен состав священноцерковнослужителей и села Григорова, но и новые люди вскоре после переписи 1623 года не устроили прихожан. На сей раз священником был приглашен из соседнего села Поповского Петр Кондратьев⁶, отец Аввакума Петрова. С 1588 года он служил там священником клетцкой рубленой церкви Рождества Пречистые Богородицы. Дьяконом же при нем состоял Олексей (Оксен) Ерофеев⁷, который в 1614 году и станет попом новопостроенного тогда в Григорове Борисоглебского храма. После же него, уже по установившейся традиции, в Григорово будет приглашен из села Поповского поп Петр Кондратьев с семьей, среди членов которой уже был сын-малолеток Аввакум.

Судя по этим данным и по замечаниям самого Аввакума об отце, Петр Кондратьев был умудренным опытом жизни человеком (пережил все тяготы конца царствования Ивана Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова и разорений времени Смуты начала XVII века), не потерявшим жизненных сил (в 1623 году ему было около 60 лет, тем не менее после Вакушки в семье появятся сыновья Кузьма, Герасим и младший Евфимий). Правда, невзгоды бытия приобщат попа к чарке («отец же мой прилежаше пития хмельнова»), но противовесом его образа жизни станут суровые наставления «постницы и молитвеницы» матери.

Переходу попа Петра Кондратьева из села Поповского в Григорово сопутствовали важные обстоятельства...

В конце XVI столетия Поповское и Григорово входили в состав дворцовых бортных, оброчных и посопных сел, плативших оброк в виде хлеба, меда и денег в приказ Большого Дворца. В годы царствования Василия Ивановича Шуйского (1606—1610) за верную службу воеводе сибирского города-крепости Сургута⁸ дворянину Федору Васильевичу Волинскому было пожаловано в нижегородском дворцовом селе Григорове в поместье 200 четвертей земли (из 1000 четвертей его поместного государевого оклада)⁹, что составляло лишь часть приписанных тогда к селу угодий. Но летом — осенью 1618 года в стране произошло важное событие, отразившееся и в судьбе далекого нижегородского села.

Еще в 1610 году, в разгар Смуты, бояре во главе с М. Г. Салтыковым пригласили на московский престол польского королевича Владислава. Лишь благодаря последующим народным выступлениям этим замыслам бояр-предателей не суждено было сбыться. В 1613 году в результате решения Земского собора русским царем стал Михаил Федорович Романов. Но Владислав счел себя ущемленным и летом 1618 года организовал новый поход польско-литовских войск на Россию «для взыскания престола».

Войска интервентов первой встретила пограничная деревянная русская крепость Можайска. В Разрядной правительственной книге об этом будет записано: «Того ж году пришел королевич под Можайск со многими Полскими и Литовскими людьми, а в Можайске сидели в городе осадные воеводы: Федор Васильевич Щепин-Волинской да Осип Тимофеев сын Хлопов, да Андрей Толбузин. Да в Можайском же стояли на посаде, в ост-

роге, государевы воеводы: боярин князь Борис Михайлович Лыков да Григорей Левонтьев сын Волеуев, а с ними многие ратные люди»¹⁰.

Войска королевича Владислава подошли к Можайску 29 июня и сразу же начали штурм города, рассчитывая с ходу захватить деревянную крепость. Но получили отпор. Началась длительная осада города, на помощь которому уже спешили из Москвы полки воеводы Б. М. Лыкова и татарского мурзы Курмыша Урусова, а из Калуги — отряд известного полководца Дмитрия Михайловича Пожарского.

Двухмесячная осада Можайска при активной помощи горожанам извне не дала результатов. Владислав решил оставить под крепостью отряд литовцев, а с остальными войсками спешно идти к Москве. Узнав об этом, Михаил Федорович указал Д. М. Пожарскому с воеводами оставить в Можайске «с Федором Волинским с товарищи осадных людей, к прежним в прибавку, из обоих полков сколко пригоже, чтоб в Можайску в осаде сидеть было безстрашно», а самим поспешить для защиты Москвы¹¹.

Так благодаря мужественной защите пограничной русской крепости был сорван план захвата поляками западных районов России, оттянут подход их к Москве, которая за это время сумела укрепить оборону, расписать полки столичного гарнизона и горожан по участкам крепостных стен и башен, разослать по городам России воевод для сбора народного ополчения. Заслуга в этом, и немалая, принадлежала можайскому осадному голове Федору Васильевичу Волинскому, который в начале сентября 1618 года сообщал в Москву, что «Владислав от Можайска со всеми Полскими и Литовскими людьми и с Немцы, и с нарядом отошел сентября в 6 день, и пошел по Московской дороге; а идет со всеми людьми под Москву»¹².

В ходе штурма стольного города с ночи 30 сентября на 1 октября (под Покров день) поляки были разбиты, более 3000 их воинов уничтожено, а «пинарды и всякие приступные умыслы» захвачены русской конницей. Владислав был вынужден пойти в Деулине близ Троице-Сергиева монастыря на переговоры о перемирии с Россией. Организаторы же столь важной в судьбах страны победы были достойно награждены, в том числе и осадный воевода Можайска Ф. В. Волинский.

17 апреля 1619 года ему была дана жалованная грамота: «Государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси пожаловал Федора Васильевича Волинского за ево многие службы царя Василия Ивановича с поместного ево окладу, с 1000 чети, на 200 четвертей в вотчину из ево ж поместья в Нижегородском уезде бортное село Григорово со всеми угоды, а в нем по даче, опричь церковные земли, 265 чети, и свёрх вотчинные дачи 65 чети, и тем ему лишком владеть в поместье»¹³.

Таким образом, отныне село Григорово со всеми его землями и угодами переходило во владение Ф. В. Волинского: большая часть (200 четей) в вотчину, то есть с правом передачи в роду по наследству, а 65 четей — в поместье, то есть только на период его государевой службы. Именно это состояние села Григорова и зафиксировала перепись 1621—1623 годов.

Но этого пожалования Ф. В. Волинскому окажется недостаточно. Перед отправкой на воеводство в Самару он станет добиваться пожалования за службу и расположенных рядом с Григоровым земель. Новая царская жалованная грамота будет подписана 15 июня того же 1619 года: «Государь

царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии пожаловал Федора Волынского за службу за Московское осадное сиденье в королевичев приход под Москву в вотчину из ево ж поместья жеребей бортного села Григорова да бортного же села Поповского — деревни Долгая Поляна, Бабкино селище тож, деревня Обатурова, деревня Лопатище со всеми угодьи.

А по даче в селе в Григорове, что осталось за ево ж Федоровую вотчиною дачею 65 чети, а в деревне Долгой Поляне да в деревне Обатурове и в деревне Лопатищах по даче 274 четверти, и перешло у него за вотчинною дачею в деревне в Лопатищах 74 четверти, и тем лишком владеть ему в поместье.

И всего за Федором Воынским по государевым ввозным и по вотчинным грамотам из государевых бортных сел по дачам в вотчине и в поместье 581 четверть в поле, а в двух потому ж»¹⁴.

Текст приведенной грамоты весьма важен, ибо фиксирует время перехода во владение Ф. В. Воынского деревни Лопатищи, с которой будет связана следующая страница биографии Аввакума. Важно и то, что упоминается как взаимосвязанное общей хозяйственной жизнью с Григоровым и Лопатищами село Поповское, важен, наконец, сам факт активного расширения своих нижегородских владений Ф. В. Воынским, превратившим их в родовой центр, а следовательно, и предполагающий заботу вотчинника не только об экономической, но и о духовной жизни этого края.

Но у Ф. В. Воынского в Боярской думе оказались недруги. Быстрое расширение им в Нижегородском уезде вотчинных владений вызвало зависть соседей и челобитья Михаилу Федоровичу об отмене данной жалованной грамоты. 23 января 1622 года еще в ходе подготовки к описи Григорова и Лопатищ писцам Д. В. Лодыгину и В. Полтеву указывалось: «... дано было Федору Воынскому за сибирскую службу царя Василья Ивановича в вотчину из его ж, Федорова, поместья на 200 четвертей, и по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу та ево вотчинная дача в книги письма и меры велено за Федором за Воынским написать в поместье»¹⁵.

Так отменялось недавнее пожалование Ф. В. Воынскому, нарушалось царское слово, и потому Воынский бил челом вновь Михаилу Федоровичу, настойчиво требуя возвращения ему вотчинных прав на григоровско-лопатищенские земли.

Такое подтверждение Ф. В. Воынский получил 9 октября 1623 года: «Государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии пожаловал Федора Воынского за Можайское осадное сиденье в королевичев приход под Москву из ево ж, Федора, поместья в Нижегородском уезде в селце, что была деревня Лопатище, деревня Долгая Поляна, а Бабкино селище тож, треть деревни Обатуровы, жеребей в селе в Григорове в вотчину со всеми угодьи»¹⁶.

После этого, на исходе 1623 года, и будет создана дошедшая до нас Переписная книга Нижегородского уезда, в том числе Григорова и Лопатищ с приписанными к ним землями, перешедшими окончательно в вотчинное владение рода Воынских.

Удовлетворенный новым царским решением, Ф. В. Воынский в том же

1623 году выехал на воеводскую службу в Двинскую крепость, где и оставался до 1629 года. При нем в ночь на 20 мая 1627 года жители Двинской крепости пережили редкое для Русского Севера землетрясение, о котором летописец с суеверным страхом запишет: «... грех ради наших, гневом Божиим потрясая земля, и мнози от людей истрясение земли видеша, а инии людие в то время спали. И от того труса людей бог помиловал»¹⁷.

В 1619 году изменения произошли и в жизни села Поповского. За активное участие в борьбе против польско-литовских интервентов оно было пожаловано Михаилом Федоровичем татарскому князю Леонтию Салтанашевичу сыну Щедрикову. В 1621–1623 годах в Поповском продолжали службу священник Петр Кондратьев, а в качестве дьячка и пономаря — его старшие сыновья Микифор Петров и Якушко Петров¹⁸.

О последующих же событиях можно лишь догадываться. Вероятно, новый помещик села Поповского, хотя и был перекрещенцем, воли православному духовенству не давал, вынудив их при стечении обстоятельств переселиться в соседнее село Григорово, с которым и будет связано детство и юность Аввакума.

Переход Петра Кондратьева в Григорово оказался к тому же выгодным, так как он получал при этом во владение «из вотчиниковы из примерные земли (т. е. вновь возделанной пашни) и с прежнею церковною землею 20 четвертей в поле, а в дву потому ж»¹⁹. Ранее клиру здесь принадлежало лишь 10 четей. Увеличение же вдвое числа пахотной земли стало заметным подспорьем в хозяйстве большой семьи священника. Не исключено, что именно приглашением в Григорово известного в округе духовного лица и было вызвано увеличение церковных пашен за счет вотчинниковой земли.

Был и другой, более, на наш взгляд, важный для отца Аввакума повод перехода — получая новый приход, он оставлял в селе Поповском священником сына Микифора, уже рукоположенного к этому времени и лишь ожидавшего своего часа.

Священником григоровской церкви Петр Кондратьев прослужил несколько лет. В своем «Житии» Аввакум сообщает важные для нас автобиографические данные: «Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом». Это произошло еще до 17-летия Аввакума, то есть до 1637/1638 года, до встречи его с будущей верной спутницей жизни — Анастасией Марковной.

Но куда был изгнан из Григорова юный Аввакум? Кто имеется в виду под званием «соплеменников»? Где произошла встреча Аввакума с Анастасией Марковной? (Уж никак не в Григорове, откуда он был изгнан. Кроме того, Марка, дочь которого могла быть Анастасия, среди жителей Григорова в первой половине XVII века не было. Сегодня мы знаем всех григоровцев за это время поименно!)

Анализ выявленных вновь документов позволяет утверждать, что Аввакум после изгнания «от своих соплеменник» — видимо, старших братьев-клирошан, оказался в приписном к Григорову сельце Лопатищи.

К этому времени Федор Васильевич Волинский рядом со своей вотчиной усадьбой возвел деревянную церковь, в которой и встретились 17-летний Аввакум и 14-летняя, уже осиротевшая Анастасия Марковна. Впоследствии об этом Аввакум запишет: «Изволила мати меня женить. Аз же пресвя-

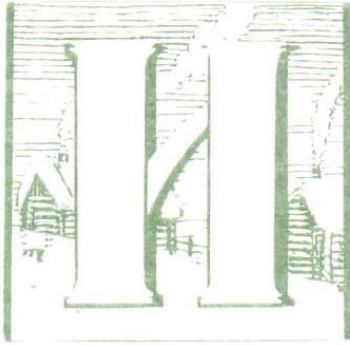

тей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо: а егда умре, после ево вся истошилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочтается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божию тако. Посем мати моя отъиде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место, рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом (1641—1642 гг. — Н. Ф.), и по дву летех в попы поставлен (1643—1644 гг. — Н. Ф.)»²⁰, став с тех пор духовным наставником многочисленной паствы — «сот пять или шесть будет» — и взяв на себя бремя ответственности за духовный мир их перед всевышним.

Так к 23 годам закончилось «ученичество» Аввакума и он вышел на путь активной проповеднической деятельности, порождавшей как верных приверженцев, так и непримиримых врагов — «супротивников».

С тех пор заметно расширились сфера его деятельности и количество проблем, к решению которых он стал причастным как духовный пастырь. Аввакум входит в контакт с будущими видными церковно-политическими деятелями России: Иваном Нероновым, Стефаном Внифантьевым, Павлом Коломенским, иереем Кириковской церкви Ананием. Аввакум бывает в Маркарьев-Желтоводском монастыре, возле которого тогда проходила летняя, известная на весь мир, ярмарка, а сама обитель утверждалась как духовный центр Поволжья.

ГРИГОРОВО В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII века

значальная история села Григорова теряется в глубине веков и связана с освоением лесных районов по берегам Сундовика-реки русско-мордовскими бортниками (собираателями меда диких пчел) по крайней мере с XIV столетия. Документализированное же известие о Григорове восходит к 1578 году²¹. Тогда оно было крупным дворцовым селом, имевшим и раменные бортные угодья, и возделанные пашни, и «лежащие впусе» перелогии.

Но разразившаяся вскоре «Черемисская война» смела налаженное хозяйство края: жилые дворы были выжжены, люди высечены или разогнаны по лесам, пашни поросли мелколесьем. Но не надолго...

Уже в 1588 году, по Дозорным книгам Василия Федоровича Борисова и подьячего Третьяка Аврамова, в Григорове оказались зафиксированы живущих «на льготе» 24 крестьянских двора²². Сенька Фофанов, Сурьянко Устинов, Иванко Кузьмин и еще 15 крестьян поселились здесь в 1586 году, Илейко Клементьев, Панка Иванов и еще 4 крестьянских семьи — в 1587 году.

Сообща они срубили новый храм «святых страстотерпец Бориса и Глеба» (в честь первых русских святых, культ которых почитался особо в XII—XIV веках), пригласили для службы попа Оникая. Дворы же других церковников (пономаря и проскурницы), хотя и были также срублены возле храма, но в 1588 году они еще пустовали.

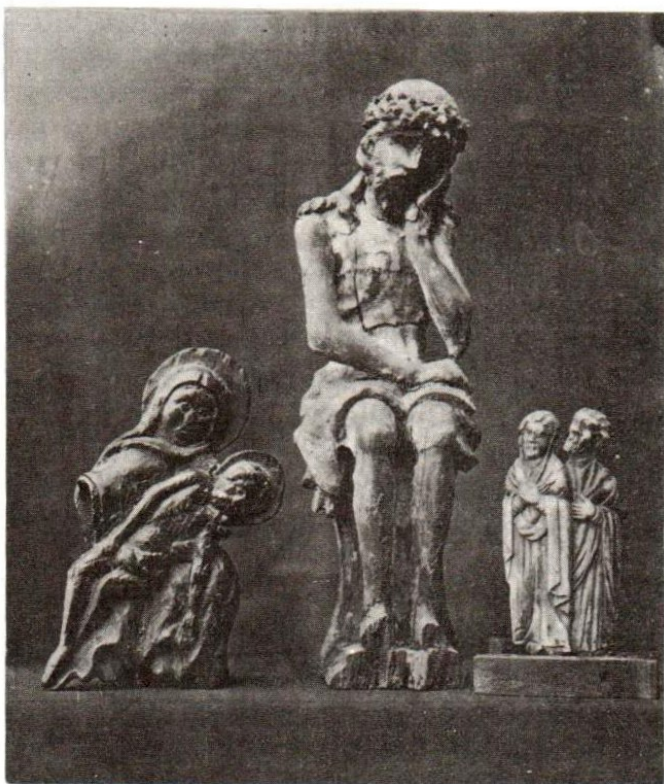
Вновь налаженная в Григорове жизнь в годы Смуты первых лет XVII века, как и на всей русской земле, была подвергнута серьезным испытаниям: в 1601 году из-за непогоды и рано выпавшего еще летом снега, когда «рожь и ярь замokли и зазимовали на поли», край охватил страшный голод. На следующее же лето разыгралась настоящая трагедия — «рожь на цвету мороз побил, и те бе лета рожь купили в Казани в полтора рубли и в 60 алтын, а на Москве купили и в Нижнем в 3 рубли четь, и был глад велик и на люди урон велик»²³.

На массовом народном бедствии свою казну обогащали крупные духовные и светские феодалы, имевшие запасы хлеба в житницах и в условиях массового недорода продававшие его по баснословным ценам. Это не могло не вызвать возмущения народа и открытого вооруженного выступления, тем более, что центральную власть уже расшатывал появившийся на политической арене Лжедмитрий I.

Летом 1606 года «собрався Мордва и бортники и боярские холопы и крестьяне, приидоша подь Нижней Новьгородь, осадиша, и стояху подь Нижнимь и многия пакости граду делаху»²⁴.

Восставшие перед этим захватили Арзамас, но Нижний Новгород, имевший хорошо вооруженные каменный кремль и два дерево-земляных острога, а также многочисленный гарнизон, взять им не удалось. Для ус-

Деревянная скульптура нижегородских сельских храмов. Конец XIX в. Фото М. П. Дмитриева. (Из коллекции ГАГО)

мирения восставших «боярский царь» Василий Иванович Шуйский послал с войсками воеводу Ивана Михайловича Воротынского, владельца соседнего с Григоровым Княгинина.

Народное выступление было подавлено, Арзамас освобожден, но спустя два года, как запишет Нижегородский летописец, вновь «собрахуся многие Понизовые люди: Мордва и Черемиса и приидоша подъ Нижней Новъ градъ и градъ Нижней осадиша»²⁵.

На сей раз город освободил шедший из Волжского понизовья отряд воеводы Федора Ивановича Шереметьева. Важно помнить, что и первое, и второе народные выступления охватывали Закудемский стан Нижегородского уезда, то есть район расположения Григорова, Поповского и Лопатищ. Это не могло не отразиться на их жизни, а воспоминания о событиях времен Смуты надолго сохранялись в народной памяти. Одновременно шел и другой процесс. В сохранявший некоторую стабильность жизни Нижегородский край из разоренных польско-литовскими и шведскими интервентами районов России просачивались ручейками люди, пополняя городское и сельское население Поволжья.

По осуществленному после воцарения Михаила Федоровича дозору писцов Семена Языкова и подьячего Емельяна Евсева в Григорове оказалось 76 дворов крестьянских²⁶, 5 дворов бобыльских и 6 дворовых мест пустых²⁷. В селе стоял и вновь срубленный «храм страстотерпец Борис и Глебов, не священ, образы и книги и ризы, на колоколнице колокола, мирское строенье», возле которого были поставлены дворы попа Оксена Ерофеева и дьячка Федки Иванова, а также 3 кельи нищих, питавшихся «от церкви божией», то есть подаяниями приходских людей и работами на саму

церковь. Причту принадлежало 10 четей земли²⁸. Большинству же крестьян-григоровцев давалось во владение полчети или полполчети выти на двор. Лишь Замятня Васильев владел целой четью выти, являлся в 1614 году самым состоятельным местным крестьянином.

Всего же григоровцам принадлежало 15 вытей земли²⁹, причем 3 выти «прибыло ис пуста в живущее» в самое последнее перед тем время. При этом отмечалось, что значительная часть земли продолжала пустовать — «перелогом и лесом поросло большим 11 вытей с половиною», — оставаясь важным резервом для дальнейшего развития местного хозяйства.

Если в первые годы XVII века григоровские крестьяне в качестве оброка платили казне в год «по 9 чети ржи да по 9 чети овса, а денежные доходы по сошному письму, как коли государь укажет», то в 1614 году подати стали братья исключительно хлебом и были увеличены до «27 чети ржи, да 27 чети овса»³⁰. Сельские же бобыли земли не имели и занимались исключительно бортничеством, охотой и рыболовством. Их оброк в казну составлял 5 алтын с жилого двора. Бортники же со своих промыслов давали дополнительно «медвяной» оброк. Так, Кирилка (Карпунка) Иванов платил ежегодно «пуд и 8 гривенок меду и с пошлинным медом, денежных пошлин 5 ден., за куницу 10 алт., пошлин 3 ден.»³¹.

Нормализация положения в стране и передача Григорова во владение Федора Васильевича Волынского способствовали дальнейшему развитию села, в том числе увеличению числа дворов и мужского их состава, прежде всего за счет отселения женатых сыновей, то есть естественного прироста.

Село стояло «на три усада» вокруг озера, образованного постоянно бьющим из земли родником. Особую группу строений составляли дворы причта и кельишки нищих возле рубленой церкви. Для большего «благолепия» храма (неизменной гордости прихода!) и личной заинтересованности вновь приглашенного для службы в храме клира (отца Аввакума Петра Кондратьева с семейством) церковная земля за счет «наддачи» из вотчинных угодий была увеличена вдвое — с 10 до 20 четвертей «в поле, а в дву потому ж»³².

Несколько в стороне, на высоком берегу пруда высился огражденный тыном «вотчинников» двор, в котором жило 9 «деловых людей» Ф. В. Волынского: Микифорко Кондратьев, Мишка Павлов, Шестачко Поликарпов и другие, обрабатывавшие в течение сельскохозяйственного года хозяйскую пашню — 25 четвертей. Здесь же стоял и двор приказчика Волинских Ефтифея Петрова.

Основную застройку села составляли дворы крестьян и бобылей, причем меньшая их часть (36 дворов, 50 мужчин) в 1623 году находилась в вотчинном владении Ф. В. Волынского, а другие (56 дворов, 75 мужчин) в поместном владении.

Всем 83 крестьянам в Григорове тогда выделялось 80 четвертей «доброй» пахотной земли и 33 четверти перелогу (временно не обрабатываемой земли). Сенные же их пожни-покосы на 100 копен тянулись вдоль речки Польша, а также в раменной (окраинной) части леса, выходившего также к речке, «по Бартеневу пустошь вопче тово ж села с поместною дачею на полверсты и болши, а для лесные всякие угоды», — сообщалось в 1628 го-

ду, — григоровцы «ездыт в свои бортные леса: в Теперской, в Подселовской, в Шесдувской ухажей вопче с разными бортники»³³. (Полное описание границ григоровских земель XVII века смотри в приложении). Григорову же принадлежала под селом на речке Польц половина мельницы «Большое колесо» (другая половина числилась на оброке за жителями деревни «Долгая Поляна, а Бабкино селище тож»).

Забываясь о возрастании доходов, вотчинник учредил в Григорове еженедельный субботний торг. Кабак же здесь был учрежден еще в 1615 году государевой казной. С 1620 года, как сообщалось тогда, «таможенные и кабацкие деньги збирают люди ево и крестьяня на ево, на вотчинника». Так постепенно Григорово становилось не только центром вотчинно-поместных владений рода Волынских, но и важным экономическим и общественным центром Закудемского обширного стана, что в свою очередь способствовало развитию в нем ремесел.

К исходу 1623 года в Григорове появились свои кузнецы (Мартышко Исаев, Фирско и Тимошка Ивановы), лучник Олешка Иванов, плотник Пятунка Кузьмин, коновал Панфилко Клементьев и даже семья иконописцев — Сенка Дмитриев с сыном Панкратком. Последний, несомненно, входил в круг ближайших знакомых или даже старших сотоварищей подраставшего Аввакума.

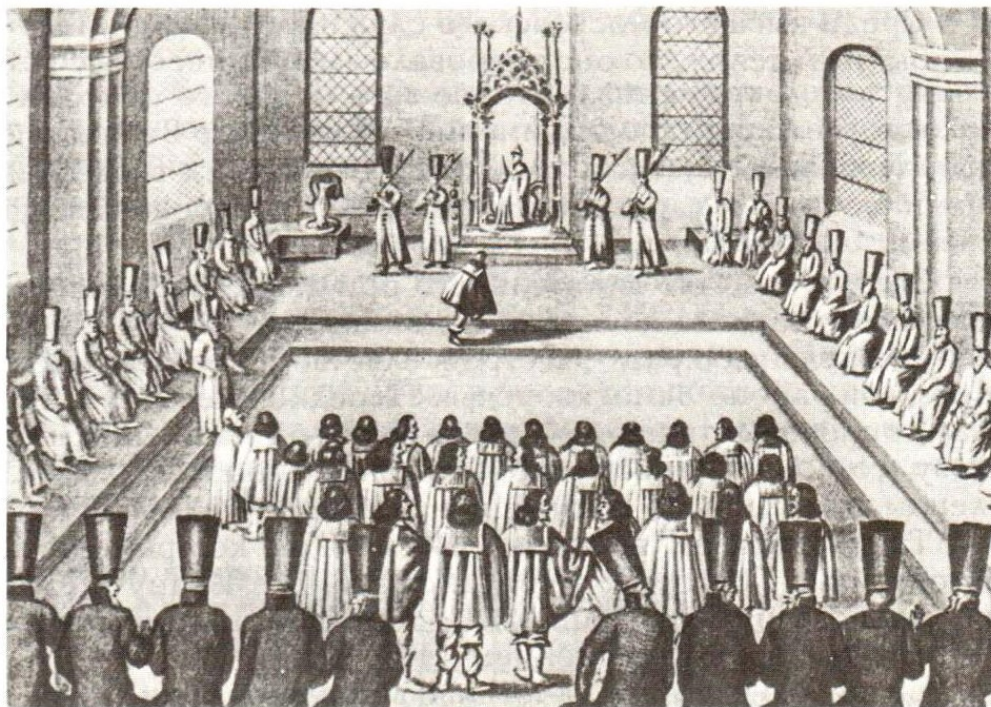
Наличие в Григорове уже в 1620-х годах такого числа ремесленников свидетельствовало не только о промышленном его развитии (иметь в одном селе трех кузнецов!), но и о постоянном приезде сюда на торг и к местным мастерам для заказа изделий людей из самых дальних мест округи. Это важно иметь в виду для понимания реальной исторической среды, в которой рос и с годами мужал Аввакум Петров.

Сразу же после воцарения Михаила Федоровича под напором требований вотчинников и помещиков о правительственном сыске беглых в годы Смуты из их сел и деревень Боярская дума принимает решение начать розыск и возврат бежавших на старые места. Это коснулось и Григорова. 10 семей, казалось бы, прочно обосновавшихся здесь крестьян к 1621 году были возвращены своим прежним хозяевам. Не пожелавшие же вернуться бежали еще дальше, в районы Волжского понизовья и в леса Сибири. В официальных отписях сообщалось, что из запустелых дворов Григорова люди «взяты за старых помещиков, а иные сошли безвестно»³⁴, что вызвало сокращение числа крестьянских усадеб Григорова к 1623 году в сравнении с 1614 годом на 17 дворов. Но при этом значительно выросло число жилых дворов бобылей, традиционно занимавшихся бортничеством, лесными работками и всевозможными ремеслами, призванных не только удовлетворить потребности окрестного населения, но и работавших на свой местный рынок и на набирающую с годами значимость недалеко расположенную Макарьевскую ярмарку.

К этому времени произошли изменения в жизни владельцев Григорова Волынских. Летом 1629 года Федор Васильевич, отслужив 5 лет воеводой Двинской крепости, вернулся в Москву³⁵. Его служба была оценена высоко. 15 августа того же 1629 года он впервые приглашается вместе с московскими дворянами к патриаршему столу, затем участвует в официальных встречах в Москве голландских (1630 г.) и шведских (1631 г.) посольств.

Прием Боярской думой иностранного посольства в Грановитой палате Московского кремля

Особого признания добивается и брат Федора Васильевича Василий Васильевич Волинский, назначенный судьей столичных служилых иноземцев. О решении конфликтных дел между ними и русским дворянством он регулярно докладывал возглавлявшим оборону страны воеводам Михаилу Борисовичу Шеину и Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Но вел себя В. В. Волинский независимо, порой отказывался выполнять предписания Боярской думы (конфликты с офицерами-иностранцами на русской службе нередко приобретали внешнеполитический характер), за что в 1632 году был осужден на ссылку в Казань.

Род служилых дворян Волинских счел себя оскорбленным, и Федор Васильевич стал вновь добиваться воеводской должности: сначала уехал в далекий Сунгур, а в 1635 году — в Астрахань.

Астрахань в 1630-х годах была одним из важнейших международных портов России, через который шли товары из Персии, Индии, стран Ближнего Востока и Средней Азии. Воеводская служба в ней почиталась не только почетной, но и доходной. За свою верную службу Ф. В. Волинский в 1637 году получает чин окольного, а по возвращении в Москву оказывается в ближайшем окружении царя Михаила Федоровича. Но это было и почетно, и ... опасно, так как появление при дворе новых людей всегда встречалось «в штыки» знатным дворянством, ревностно защищавшим свои права близости к царскому престолу нескончаемыми местническими спорами. Подобное произошло и с Ф. В. Волинским.

Его брат Андрей Васильевич Волинский во время застолья назвал князя Осипа Щербатого «братом». Тот же счел себя оскорбленным таким фамильярным обращением и бил челом об этом Боярской думе. За брата вступился теперь уже царский окольный Федор Васильевич Волинский, за что и был брошен в начале 1640 года в тюрьму³⁶.

Среди высшего московского служилого дворянства это было достаточно обычным делом, но оно требовало заступничества со стороны ближайшего царского окружения, которое весьма дорого обходилось. Поэтому есть все основания считать, что именно тогда Федор Васильевич Волынский продает (или дарит?) часть своих нижегородских владений вместе с Лопатищами близким к царю Шереметевым, а Григорово завещает единственному своему сыну Ивану.

Заступничество влиятельного при дворе Василия Петровича Шереметева имело важные последствия: в мае того же 1640 года Ф. В. Волынский назначается надзирать за строительством укреплений Земляного города Москвы в районе Замоскворечья. Нередко вместе с В. П. Шереметевым он стал сопровождать царя во время поездок на богомолье то к Троице-Сергиеву, то к Спас-Новому монастырям, и вообще оказывается постоянным членом придворного окружения Михаила Федоровича.

Таким образом, в начале 1640-х годов, ко времени переезда Аввакума в Лопатищи, Григорово принадлежало уже Ивану Федоровичу Волынскому, было крупным вотчинным и торгово-промышленным центром округа с почти тысячным населением (495 муж.)³⁷.

Среди его крестьян отчетливо выявилось социальное расслоение, выделась зажиточная верхушка, эксплуатировавшая односельчан-захребетников, иногда по несколько человек враз. Так, Якунка Кондратьев с двумя сыновьями и внуком держал в своем дворе двух захребетников, как и его сосед крестьянин Никита Тимофеев.

В условиях мирной жизни число живущих в одном дворе григоровцев заметно увеличилось. Наличие в одной крестьянской семье 6—8 мужчин (12—16 человек обоего пола) к середине XVII века здесь не было редкостью, что наглядно отражало существовавшую в стране систему взимания государственных податей «с двора». Даже взрослые, имевшие собственные семьи, сыновья, старались оставаться под крышей отцовского дома, что позволяло им выплачивать меньшие натуральные и денежные налоги, а главное — более эффективно вести родовое хозяйство.

Подворный состав мужского населения
Григорова в 1646 году

	Крестьяне								Бобыли				
Мужчин в одном дворе	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5
Количество дворов	5	30	23	26	15	4	7	2	11	16	8	1	3

Следует назвать полным именем-прозвищем и одного из григоровских наставников Аввакума, а затем и прихожанина его, о котором позднее протопоп вспоминал с благодарностью в горькую минуту жизни: «И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лав-

рентьев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне»³⁸.

Среди названных был бобыль Купреянко Лаврентьев, и после отъезда Аввакума из Григорова продолжавший жить единственным мужчиной во дворе³⁹, по этой причине приваживавший к себе мальцов-односельчан, отдавая им нерастраченное тепло и доброту своего сердца.

Таким образом, чуть более за полвека (с конца XVI столетия до 1640-х годов) Григорово, несмотря на тяготы и разорения времени Смуты, прошло период бурного развития, став к середине XVII века крупным административным, торгово-ремесленным и духовным центром Нижегородского Поволжья, что создавало благоприятную историческую среду для формирования таких личностей из народа, как Аввакум Петров и верная спутница жизни, мужественная женщина, надежда и опора его при жестоких ударах судьбы, Анастасия Марковна.

**Жилые дворы и мужской состав населения Григорова
конца XVI — первой половины XVII века**

	1588 г.		1614 г.		1623 г.		1646 г.	
	дво- ров	муж- чин	дво- ров	муж- чин	дво- ров	муж- чин	дво- ров	муж- чин
Крестьяне	24	24	76	76	59	83	112	409
Бобыли	—	—	5	5	33	42	39	86
Духовенство	1	1	2	2	4	3	?	?
Вотчинник	—	—	—	—	1	1	?	?
и его люди	—	—	—	—	1	9	?	?
Нищие	—	—	3	3	9	9	?	?
Пустые дворы	17	—	6	—	10	—	?	—
Всего:	42	25	92	86	117	147	151	495

ЛОПАТИЩИ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII века

еление Лопатищи, так же как и Григорово, возникло из становища бортников в раменном лесу на берегу речки Ивашевки, недалеко от древней дороги, шедшей вдоль Волги из центра России в Волжское понизовье и Сибирь, в трех-четырёх верстах от Работок. Название свое починок, а затем деревня получила от протекавшей рядом речки Лопатинки, что вообще характерно для древнейших наименований нижегородских селений, часто получавших уже бытующие имена рек, озёр и урочищ, возле которых они основывались. Во второй половине XVI столетия в Лопатищах было всего 5 жилых дворов, но после «Черемисской войны» в 1586 году здесь поселилось «на льготе» (обычно на 5 лет новопоселенцам разрешалось не платить государственные подати, чтоб за это время наладить хозяйство и возделывать пашню) ещё 9 крестьянских семей.

Таким образом, в конце XVI века Лопатищи были государственной бортной деревней с 14 дворами и 15 мужчинами в них. Деревне принадлежало «5 вытей без получетверти» пахотной земли, полторы выти перелогу, да «лесом поросло большим 5 вытей в поле; а в дву потому ж. Земля добра, сена 200 копен»⁴⁰.

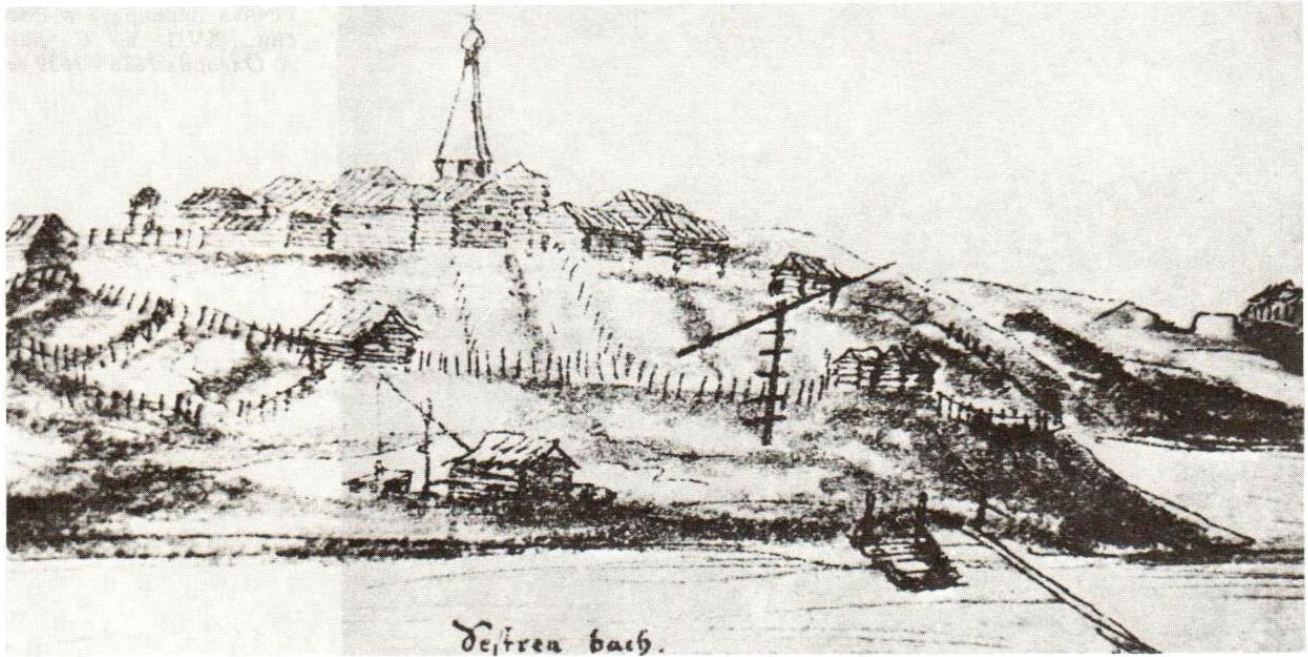
Благодаря беженцам из разоренных во время Смуты начала XVII века районов страны число жилых дворов здесь к 1614 году увеличилось до 22⁴¹. Причем, несмотря на возделываемую пашню, жители Лопатищ по традиции именовались в официальных документах бортниками (собирателями меда диких пчел), что оставалось основным их промысловым занятием и в начале XVII столетия. Важно отметить, что среди бортников тогда был назван и Марко Иванов, можно полагать, отец Анастасии Марковны — будущей супруги Аввакума Петрова⁴².

По грамоте царя Михаила Федоровича от 15 июня 1619 года «деревня Лопатищи со всеми угодьями» передавалась в вотчину Федору Васильевичу Волинскому⁴³. Но вскоре после этого жалованная грамота была оспорена и подтверждена повторно лишь 9 октября 1623 года.

Удобное расположение деревни близ наезженной государственной важности дороги, недалеко от волжских пристаней в Работках и в красивом вековечном бору на берегу тихоструйной речки Ивашевки определило дальнейшую судьбу Лопатищ. Ф. В. Волинский делает деревню центром своих нижегородских владений: возводит «вотчинников» двор, в котором стали жить его «деловые люди» — Ганка Григорьев да Митка Ильин и ещё 6 человек, возделывавших пашню Волинских и поставлявших ежегодно в Москву на их обиход хлеб, мед, мясо и другие продукты.

С тех пор Лопатищи стали именоваться уже не деревней, а «сельцом», то есть селением с усадьбой вотчинника, но без церкви. Недалеко от хозяйского двора особым «усадом» стояли дворы слуги Волинских Ларки

Русское село на берегу реки. XVII в.

Иванова, дьячка Васки Прокофьева и их местного приказчика Ивашки Познякава.

Третьим «усадом» здесь стояли 19 крестьянских жилых и 3 пустых двора. Один из них запустел в 1619 году, когда пришел царский указ о возврате беглых крестьян прежним помещикам, Калининка Павлов с Истомкой Васильевым нехоженными тропами бежали в леса Заволжья, а двое других крестьян из соседнего двора «сошли безвестно».

После пожалования Ф. В. Волинскому «за Можайское осадное сиденье» к Григорову деревень Лопатищи, Долгая Поляна, «а Бабкино селище тож» и трети деревни Обатуровы, в нижегородском владении его оказалось 779 четвертей доброй пахотной земли («в поле, и в дву потому ж», то есть реально в три раза больше), с которой лопатищенский приказчик отправлял ежегодно в Москву 292 чети⁴⁴ с осьминою ржи и 292 чети с осьминою овса, а также деньгами — 19 руб. 20 алт.

«Деловые» люди возделывали в Лопатищах на вотчинника 30 четей земли. Самим же крестьянам принадлежало 66 четвертей. Еще 36 четвертей временно пустовало под перелогом (заросшей мельколесьем давно брошенной пашни). Сено лопатищенцы косили «позади поль, по речке по Ивашевке, да по речке по Лопатинке, да по Хмельниковской полянке 150 копен». При этом сообщалось, что «для лесные всякие угоды» — по дрова, для рубки деревьев на жилые постройки и для получения деловой древесины — лопатищенцы «ездят в бортные свои леса, в которых ходят, в Почаплевской, в Прокошевской, в Кошеевской и в Лазаревской вопче з бортники тех ухажьев»⁴⁵.

Со всех бортных григорово-лопатищенских ухажьев тогда собиралось в качестве оброка 27 пудов меда, денежных пошлин 22 алт. 5 ден. и 20 ку-

Речная переправа в России. XVII в. С рис. А. Олеария 1636—1639 гг.

ниц⁴⁶. Но куницы в Нижегородском Поволжье к началу XVII века в лесах уже практически перевелись, потому за них обычно платилось деньгами — «6 рублей, по 10 алтын за куницу», т. е. по 30 коп.

Ко времени переезда Аввакума Петрова с братьями в Лопатищи это было многодворное сельцо. Принадлежало оно уже стольнику Петру Васильевичу Шереметеву⁴⁷. Это был еще юноша, и потому родовыми хозяйственными делами чаще ведал его отец — Василий Петрович Шереметев. В конце 1630-х годов он вошел в число наиболее доверенных советников Михаила Федоровича, а 17 марта 1641 года, на именинах царевича Алексея, был провозглашен боярином⁴⁸.

С тех пор при отъезде царя из Москвы именно ему доверялась охрана столицы. Новонареченный боярин стал активно участвовать не только в царских застольях, но и в приемах посольств, от имени государя нередко провожал их в залы заседаний.

Подрастали и сыновья Василия Петровича — Петр и Матвей Шереметевы⁴⁹. В 1644 году Петр Васильевич Шереметев был впервые назван в Дворцовом разряде рындой⁵⁰. Вместе с ним царскими рындами состояли его родственник Василий Борисович Шереметев и двое молодых Волынских — Михаил и Василий Семеновичи⁵¹. Так причудливо переплелась судьба представителей двух родов российского дворянства, связанных с историей называемых нами нижегородских сел — Григорова и Лопатищ.

Становится объяснимым и гнев Василия Петровича Шереметева, который, проплывая летом 1648 года по Волге на воеводство в Казань, взял на судно попа своего родового села Лопатищи «и браня много, велел благословить сына своего Матфея брадобритца. Аз же, — как вспоминал позднее Аввакум, — не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудлюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу»⁵².

Русская водяная мельница XVII в. С рис. А. Олеария 1636—1639 гг.

Столь суровое наказание попа было связано, можно полагать, с недавними воспоминаниями боярина о местническом споре сразу с двумя древними российскими родами...

С 1646 года В. П. Шереметев вместе с боярином Никитой Ивановичем Одоевским и князем Юрием Долгоруким стоял в передовом полку на западном русском порубежье в городе Путивле. Это было время активной дипломатической переписки между Россией и Литвой, но составлявший польские грамоты Юрий Долгорукий посылал их за рубеж от имени лишь главного воеводы — Н. И. Одоевского. Шереметев же счел себя тем оскорбленным и затеял местнический спор, бил челом молодому царю Алексею Михайловичу и Боярской думе. Царским решением на это указывалось «за безчестье боярина Василя Петровича Шереметева князь Юрья Долгорукаго посадить в Путивле в тюрьму на неделю». При этом делалась и приписка, что «ему, князю Юрью, не токмо до него, боярина Василя Петровича, и до меншаго его сына Матвея в отечестве не достало, и быти ему и с меншим его сыном, с Матвеем, всегда мочно»⁵³.

Таким образом, «дискриминация» сына Матвея попом собственного нижегородского села боярином была воспринята неслыханной дерзостью, что и вызвало его бурный гнев с жестоким наказанием строптивного Аввакума, по неведению своему напомнившего тяжелую минуту жизни рода Шереметевых (результаты местнических споров часто бывали непредсказуемыми!).

Описанная же Аввакумом сцена достаточно красочно воссоздает характер отношений вотчинников с белым духовенством принадлежавших им сел, почитавшим приходский клир подвластными себе людьми.

В 1646 году в Лопатищах было, кроме усадеб вотчинника и его управителей, 48 крестьянских и 12 бобыльских дворов с 223 мужчинами в них

(не менее четырех с половиной сотен людей обоего пола!). Причем, как и в Григорове, в одном крестьянском дворе бывало нередко по 6—8 мужчин (12—16 человек обоего пола!).

Подворный состав мужского населения Лопатищ
в 1646 году

	Крестьяне								Бобыли			
	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4
Мужчин в одном дворе												
Количество дворов	3	13	7	7	7	6	3	3	4	1	2	5

Отца Анастасии Марковны тогда уже не было в живых, но в Лопатищах назывались, видимо, ее братья и племянники: «три брата: Онисимка да Нефедко да Лукоянко Марковы дети, а у Онисимка четыре сына: Митка, Сенка, Ивашко, Онтипка», а также жившие отдельными дворами «Ондрюшка Марков, у него сын Петрушка», «Тишка Марков, у него три сына: Анисимко, Ондрюшка, Левка»⁵⁴. Общая же динамика численности населения Лопатищ с конца XVI до середины XVII столетия и изменение его социального состава лучше всего видна в приведенных ниже обобщенных данных.

Жилые дворы и мужской состав населения Лопатищ
конца XVI — первой половины XVII века

	1588 г.		1614 г.		1623 г.		1646 г.	
	дво- ров	муж- чин	дво- ров	муж- чин	дво- ров	муж- чин	дво- ров	муж- чин
Крестьяне	14	15	22	22	19	21	48	191
Бобыли	—	—	—	—	—	3	12	32
Духовенство	—	—	—	—	—	—	1	4
Вотчинник	—	—	—	—	4	11	?	?
Пустые дворы	—	—	—	—	3	—	—	—
Всего:	14	15	22	22	26	35	61	227

При поповском доме Аввакума Петрова в 1648 году в Лопатищах жило три его родных брата: Евфимий, Козьма и Герасим. О младшем Евфимии Аввакум впоследствии запишет, что он был «зело грамоте горазд и о церкви велико прилежание имел: напоследок взят был к большой царевне в Верх во псаломщики, а в мор и с женою скончался». Именно с Евфимием произойдет в Лопатищах событие, сыгравшее заметную роль в самоутверждении Аввакума, в уверовании им своего исключительного места в духовной жизни русского общества...

Став попом лопатищенской церкви, Аввакум устанавливает тесные контакты с нижегородскими «ревнителями благочестия» того времени: Иваном Нероновым, Стефаном Внифантьевым, архимандритом Макарьев-Желтоводского монастыря Иларионом. Эта дружба во многом определила

его жизненный путь: путь признаний, славы, гонений, страданий и мученической смерти на костре. Аввакум окажется наиболее стойким и последовательным в своих воззрениях из «ревнителей-нижегородцев», через страдания и унижения пронесет крест мученика, смертью своей заслужит бессмертие в народной памяти. Но все это будет потом. Момент же становления Аввакума-борца, можно полагать, связан с Лопатищами...

Начало событий не предвещало серьезных последствий. Аввакум вспоминал: «Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вонифантьевич, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святого Ефрема Сирина, себя пользоваться, почитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошадь променял»⁵⁵, за которой и стал ухаживать младший брат Евфимий.

Но промена «святого предания» на лошадь обернулась вскоре несчастием. На Евфимия напала падучая болезнь — по словам Аввакума — «от бесов поражен бысть». Евфимий бился о землю, корчился, бессвязно вопил. Попытки удержать его на месте старшими братьями, Козьмой и Герасимом, ни к чему не привели. Тогда Аввакум стал кропить бесноватого святой водой... «Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумену (в Макарьев-Желтоводский монастырь. — Н. Ф.); он просвиру вынял за брата; тогда добро жил, — что ныне архиепископ Резанской, мучить стал христианской»⁵⁶.

Евфимий постепенно вошел в сознание. Аввакум же пережил в то время пору нравственного самоочищения от житейской скверны, всей сущностью своей осознав бренность бытия, страшными словами самоуничтожения клеймил свое грехопадение: «Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю».

Последовавшие после таких душевных мук-потрясений физические боли и унижения от Никона и приспешников стали действительно ничемными и даже имевшими для него лично очистительный смысл.

Значимость лопатищенского периода жизни в становлении Аввакума Петрова как идеолога старообрядчества и борца против «житейской скверны» несомненна. Но он остался не только не изученным в должной мере, но и незаслуженно забытым, хотя именно здесь, в Лопатищах, Аввакум Петров стал духовным отцом значительной по численности паствы, начал свою проповедническую деятельность, здесь сформировался как один из идеологов религиозно-социального движения, всколыхнувшего в середине XVII века всю Россию, оказывающего влияние на жизнь значительной части советского общества и в наши дни.

Важно также отметить, что Аввакум в конце 1640-х годов неоднократно посещал Макарьев, был у «друга своего» Илариона, а также в Кирикове, где к иерею Ананию (сопернику Никона при избрании на патриарший престол) собирались Иван Неронов, его сын, будущий Суздальский митрополит Иларион и другие местные «ревнители благочестия», а также их непримиримые в грядущих грозных временах «супротивники».

ПОД СЕНЬЮ МАКАРЬЕВ-ЖЕЛТОВОДСКОЙ ОБИТЕЛИ

од 1620-й (1621?) был не только датой рождения Аввакума, но и временем возрождения Макарьев-Желтоводского монастыря, ставшего вскоре после этого крупным духовным центром края, возле которого начала свое действие всемирно известная ярмарка. Так жизнь Аввакума причудливо переплелась с историей Макарьев-Желтоводской обители.

Монастырь на устье Керженца за Волгой, близ озера с желтого цвета водой был основан в 1435 году постриженником нижегородского Печерского монастыря Макарием. Но спустя всего четыре года он был razорен казанцами. Игумена же, «яко тиха и незлоблива мужа», татары отпустили с миром на Русь, хотя и настрого наказали не возобновлять на прежнем месте монастырь. С тех пор место пустовало 180 лет.

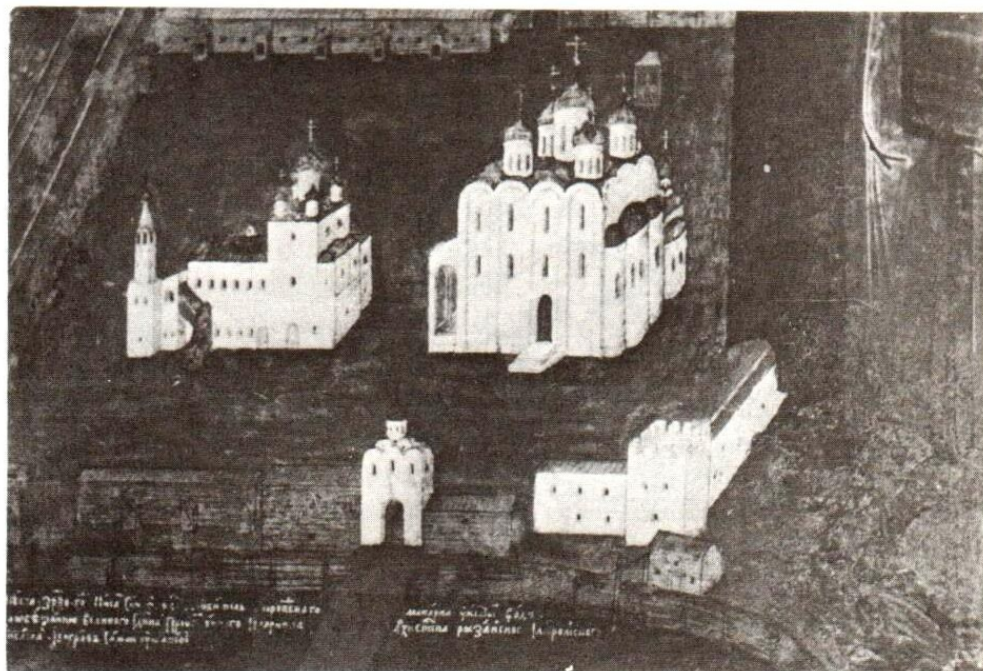
Лишь в 1620 году муромчанин Алексей, получивший при пострижении в иночество имя Авраамий, возобновил обитель, ибо был уверен в полной поддержке своего начинания царским домом и только что вернувшимся из многолетнего польского плена патриархом Филаретом Никитичем, почитавшими Макария Унженского и Желтоводского своим патрональным святым.

Расчет «строителя» (такое официальное звание Авраамий получил среди братии монастыря) оказался точным. Его не только благосклонно приняли в царских палатах, но и выдали по челобитью Авраамия «з братьею» выпись с Писцовых книг 1621—1623 годов на право владения заволжскими землями и угодьями этого района Нижегородского края: «...исстари до сперва, где преподобный чудотворец Макарий Желтоводский поселился на пустыне в Желтоводие за рекою за Волгою, а ныне де они на том же месте строят монастырь Макария-чудотворца, а около де тое пустыни к тому монастырю были рыбные ловли и бобровые гоны и леса, и как де та пустыня зачатием Макария-чудотворца запустела, и в те де поры монастырскими водами и лесами и всякими угоды завладели бортники и всякие люди из оброку в Нижнем Нове городе: речку Мазу Большую и Малую с озера, а владеют ды ныне из оброку теми речками и озера и лугами и бобровыми гонами и всякими угоды села Лыскова крестьянин Баженко Голиков, а речкою Керженцем с падучими речками и с малыми озерки имали на оброк села ж Лыскова крестьяне Кондрашко Лаврентьев да Потапко Вылупов, а оброк де с тех вод, с рыбных ловель и з бобровых гонов платили в Нижнем Нове городе по Платежным книгам. И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожаловал бы есте строителя з братьею, велел им теми их старинными монастырскими водами и рыбными ловлями и бобровыми гонами и речками и озера и лугами и всякими угоды владети по-прежнему»⁵⁷.

Так, одним росчерком пера монастырь становился богатейшим феода-

Макарьев. С иконы
С. Ушакова. 1661 г.

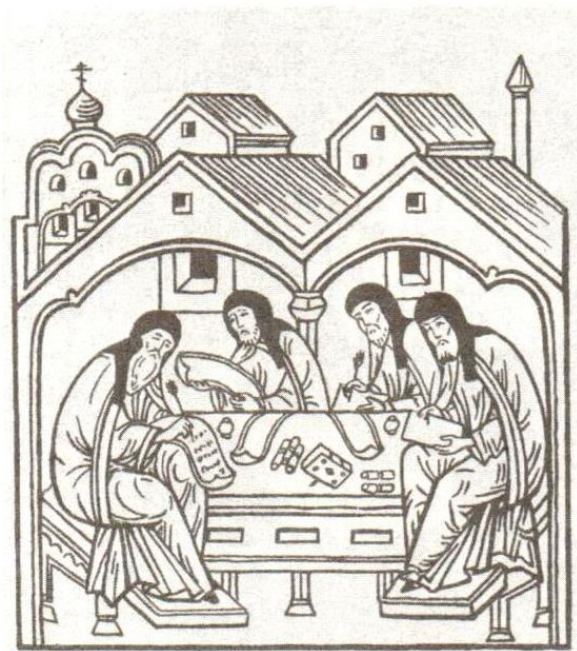

лом края, Авраамий же — весьма почитаемым в округе лицом. И не случайно, что современники оценивали его человеком «препростым бяше нравом, но не умом».

Но даже огромные владения не могли быстро обогатить монастырь. Великим трудом приписных крестьян и бобылей требовалось возделывать пашни, вырастить на них хлеб, собрать по раменным лесам мед диких пчел, срубить вековые дубы и красноствольные сосны-великаны для строительства речных судов и для изготовления резной бытовой утвари, бить по лесам зверье, а их ценные выделанные меха превратить в изделия, чтоб только после этого доставить товары на торг и тонкими ручейками золотых и серебряных монет наполнить заветные ларцы.

Авраамий сразу оценил выгоды и преимущества географического положения Макарьев-Желтоводского монастыря на берегу Волги — главной водно-транспортной магистрали страны, в центре русских земель того времени — и приступил к учреждению здесь ярмарки. Была и другая для этого причина. Со второй половины XVI столетия, с времени включения в состав единого централизованного государства Казанского и Астраханского ханств, включения Волги на всем ее протяжении, от истока до устья, в систему единой экономической жизни огромной страны, в более или менее мирных условиях, река действительно стала главной «дорогой» России, связавшей не только самые отдаленные торговые города, но и страны Ближнего Востока, Средней Азии с центром страны. Но речные суда из Понизовья против течения на веслах или заводнями двигались медленно. Из Астрахани до Москвы или Вологды ладьи и насады шли четыре с половиной или пять месяцев, поэтому, распродав привезенные товары и закупив соответственно необходимое, купцы не успевали до ледостава вернуться по своим городам. Суда вмерзали где-то не полпути. Купцы были вынуждены в таком случае распускать судовую команду, нанимать для перевозок грузов лоша-

Монастырский скрипторий. С рис. XVII в.

Монах и послушник. XIX в. Фото М. П. Дмитриева. (Из коллекции ГАГО)

дей и без должной охраны пускаться в рискованный по тем временам обратный путь. Возникновение же в среднем течении Волги у стен Макарьев-Желтоводского монастыря летнего торгового (в день памяти Макария 25 июля — как раз в середине лета!) вполне решало общегосударственной значимости проблему. По этой причине правительство без каких-либо препятствий пошло на разрешение ярмарочного торгового и сбора таможенных пошлин (правда, не в полном размере!) в монастырскую казну.

19 сентября 1627 года Авраамий получил царскую жалованную грамоту, зафиксировавшую изначальный этап деятельности ярмарки у стен Макарьев-Желтоводского монастыря. Торговля учреждалась изначальным всего на один день памяти «чудотворца Макария». Пошлинные сборы регламентировались особой Уставной грамотой, в которой перечислялись все основные привозные тогда окрестным населением товары: «...кто на память чудотворца Макария в Желтоводский монастырь с какими товарами торговать придет, один день имати пошлины против того, как емлют в городех по Уставным грамотам с приезжих с торговых людей: гостиные явки с человека по 3 деньги, а с товара имати таможенные пошлины с рубля по алтыну, да свального с возу по алтыну, а которой приезжая человек товар свой испродает, на те же деньги купит какова товару нибудь или хлеба и поедет с тем товаром от монастыря прочь, и с тех людей пошлины не имать, а имать с них отвозу по алтыну.

А которой человек купит какова товару нибудь болши своих товарных денег, и с того товару имать по тому ж — с рубля по алтыну. А которые люди привезут хлеб продавати, и с тех людей имати за меру с хлеба с московские четверти по денге, а имати померное с продавца, а с купца не имати, и мерити всякой хлеб в припускные в печатные меры, а з бочки рыбы и с

сельдей и с ыкры и с круга воску имати рублевую ж пошлину, а з быка и с коровы пятна имати по получетверте денги, а стягами по полутретье денги, с туши мяса по полуторе денги, з барана по полуденге, з горшка масла по денге, а з гусей и с утят, с поросят и з зайцов, с тетеревей, сыров, с яиц, с цены имати рублевая пошлина, а с конского пятна имати с продавца с рубля по 7 денег, а с купца с шерсти по 7 денег, а кто привезет к монастырю на торг орехи, яблоки, мак, лук, чеснок, хмель, золу, деготь, и тот товар ценити, а оцеля, имати рублевая пошлина, а хто учнет продавати лубья или сани или колеса или на возах сено и дрова и лучину, и у тех людей имати з 10 лубов луб, а с саней и с колес и с возу сена по денге, а с воза дров по плахе, а со ста полен лучины по полену»⁵⁸.

В 1640 году Аврамия не стало. Его место занял игумен Пафнутий, с еще большей энергией, чем его предшественник, взявшийся за налаживание монастырского хозяйства. В 1641 году он добился официального признания Макарьевской ярмарки как всероссийской. При этом были уточнены и суммы взимаемых в монастырь таможенных пошлин: «...со всех торговых людей велено имать на вино церковное, на ладан, на воск и на церковное строенье таможенная пошлина против того, как емлют в городех: явки с человека по 3 денги, а с товару по 6 денег, да с каждого воза по 6 денег, а с отвозу по 6 ж денег, также и с ыных со всяких и съестных товаров имать по Уставным грамотам»⁵⁹.

Таможенные пошлины собирались в монастырскую казну сначала один день. К середине же XVII столетия ярмарка продолжалась уже две-три недели, став действительно крупнейшим торгом страны.

Получаемые с ярмарки и с многоотраслевого вотчинного хозяйства доходы позволили еще Аврамию с первых лет после возобновления монастыря развернуть на его территории массовое, правда, пока еще деревянное, строительство храмов, жилых и хозяйственного назначения зданий.

В год возобновления монастыря была срублена небольшая часовня, за которую Авраамий заплатил «от дела плотником 40 алтын».

Спустя три года на вершине холма был поставлен величественный шатровый Троицкий собор с двумя приделами по сторонам, за который было заплачено «плотником от рубки 160 рублей; гвоздя куплено на церковное дело на 115 рублей, да железа белова на 45 рублей»⁶⁰.

Тогда же в монастыре появилась просторная трапезная палата с Успенской церковью при ней и келейный Г-образный жилой корпус, составленный из множества отдельных ячеек-келий с самостоятельными крыльцами входов и двумя небольшими оконцами горниц. Все это было заключено в рубленую ограду с обращенными к волжскому берегу редкими по причудливости форм и красоте святыми воротами «на седми столпах точеных, а полотенцо косятчетое, деисусы на воротех с обеих сторон на празелени, ворота покрыты бочью, лемешены чешуею».

Над всем ансамблем ввысь поднималась рубленая колокольня с полным набором пока еще малых колоколов: «... колокол 26 пуд, а цена 130 рублей; колокол 6 пудов, а цена 40 рублей; колокол 3 пуда, цена 13 рублей... да на колоколнице часы, цена им 20 рублей»⁶¹.

Имено таким Макарьев-Желтоводский монастырь увидел впервые Аввакум еще юношей. На его же памяти здесь началось каменное строитель-

ство игуменом Иларионом. Об этом человеке, сыгравшем заметную роль в судьбе Аввакума и в развитии ансамбля Макарьев-Желтоводского монастыря, следует сказать особо...

Иларион принял постриг в Макарьеве 8 ноября 1647 года. О его происхождении известно немного. Близко же знавший Илариона Аввакум Петров называл его «попенком», сыном приходского священника Якова. Благодаря уму и изворотливости, а также страстному тщеславному желанию выбиться в иерархи русской православной церкви, он смог всего за один год пройти путь от рядового монаха-постриженника до игумена крупного монастыря. Другой подобный случай в истории церкви России нам не известен!

Иларион отчетливо понял, что его личное признание зависит от авторитета возглавляемой им обители. Поэтому сразу же приступил к замене обветшавших, почерневших деревянных зданий монастыря на каменные, более долговечные и самим своим видом свидетельствующие о богатстве и неограниченных экономических возможностях обители и, конечно, о рачительности и хозяйственной распорядительности игумена. Это должен был увидеть и оценить каждый!

В 1652 году среди множества рубленых строений монастыря поднялась белокаменная Макарьевская церковь. Была она небольшой, с опаянным белым железом куполом и ажурно кованым золоченым крестом главки. В интерьере всех поражала тончайшая резь царских дверей иконостаса и новых в художественной жизни России увитых вырезанными из дерева и вызолоченными гроздьями винограда тябел. Своими отбеленными стенами, ярко-цветной фресковой росписью тимпанов закомар и позолотой креста здание выгодно контрастировало с рядом стоящими потемневшими рублеными Троицким собором и трапезной палатой, как бы отмечая наступление нового времени в истории этих мест.

Вместе с Макарьевской церковью возводился огромный корпус кирпичной трапезной палаты на высоком подклетье с Успенской церковью на втором этаже и с пристроенной к некогда открытому гульбищу шатровой колокольней. Все вместе они составляли единственный, асимметричный в композиции, удобный в функциональном использовании помещений комплекс. Завершение его строительства в 1654 году было отмечено специальной записью в монастырском летописце: «При сем игумене Иларионе создана и освящена трапеза каменная, в ней же церков во имя пресвятыя богородицы честнаго ея Успения, во 162 году»⁶².

Трапезные палаты в жизни русских монастырей занимали особое место: дважды в день в них собиралась вся братия для молитв и общей трапезы, здесь же встречали и обильно потчевали именитых гостей или вершили скорый суд-расправу над бунтарями-ослушниками. Секретарь побывавшего летом 1668 года в Макарьев-Желтоводском монастыре Антиохийского патриарха Макария Павел Алеппский записал в дневнике, что все русские обители «более всего тщеславятся благолепием, величиною и обширностью помещений трапезных, кои бывают просторныя, высокия, каменныя: под ними кухни, дабы оне зимой были теплыя».

Трапезная палата в Макарьеве (22 × 19 м, более 400 м²) располагалась во втором ярусе. Ее своды опирались на мощный центральный квадратный

Набор церковной утвари и служебных книг. XIX в. Фото М. П. Дмитриева (Из коллекции ГАГО)

столб, окруженный со всех сторон подставами с особо ценной серебряной и позолоченной посудой, служившей украшением помещения и подававшей на резные дубовые столы лишь в особо торжественных случаях.

Высоко поднятые своды (до 5 м) еще более подчеркивали значительные размеры интерьера, свидетельствовали об инженерной смелости ее создателей. «Лицом» же трапезной была восточная стена с пышным иконостасом и тремя арочными входами в моленный зал Успенской церкви, а также с особым проходом в казнохранилище, где держалась ценная утварь, золототканые фелони и стихари, храмовые служебные книги в дорогих окладах, усыпанные драгоценными камнями митры и посохи.

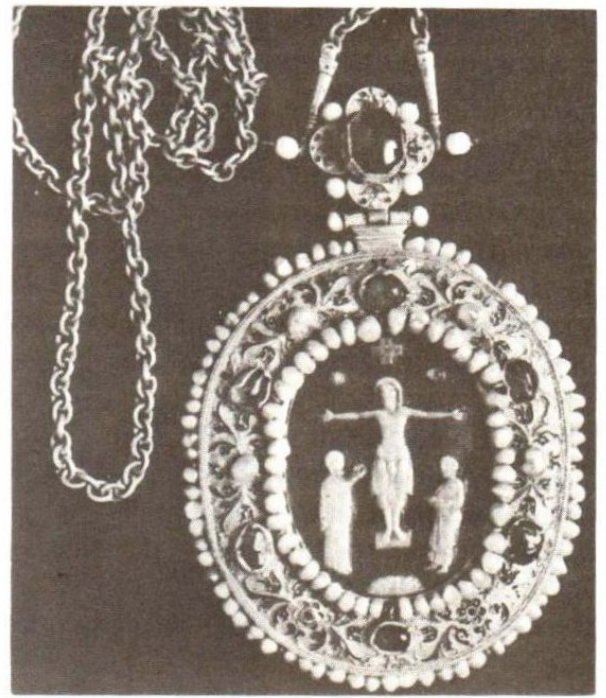
В юго-восточной угловой части второго этажа трапезной располагалась потайная с одним круглым оконцем палатка, внутрискрипный узкий вход в которую вел через свод. Ход имел кованые с нутряными замками двери и был известен лишь настоятелю и келарю. В палатке хранились подлинные жалованные царские и патриаршие грамоты на земли с подтверждением Боярской думой прав на них монастыря после многочисленных тяжб соседних вотчинников, Уставные грамоты на право сбора таможенных пошлин на ярмарке, вкладные акты, Писцовая книга 1621 – 1623 и Переписные книги 1646 и 1678 годов на монастырские владения, то есть хранилось все то, что было дороже золота, что повседневно обогащало их казну или защищало права-привилегии. Здесь же держалась наличная казна: золотые иностранные монеты (ефимки и талеры), серебряные русские денежки, слитки драгоценных металлов, ларцы с драгоценными камнями и жемчугом.

Сама Успенская церковь поднималась вытянутым по оси северо-юг объемом, увенчанным пятью декоративными главками на глухих (без окон)

Ларец-гермокс. XVII в.

Панагия — нагрудный знак высшего духовенства

барабанах. В решении верхней части церкви были сосредоточены все основные элементы узорчатого художественного решения здания: ряд многопрофильных кокошников закомарной стенки и лента наборного фриза под ней, аркатурно-колончатые пояса на барабанах и оригинальной формы боковые главки «с перетяжками», рассчитанные на обзор как вблизи, так и с некоторого удаления.

С западной стороны к трапезной примыкала сводчатая палатка чашника и хлебодаря, где хранилась повседневно-обиходная медная, оловянная, деревянная и глиняная посуда, питье, хлеб и готовые кушанья, подававшиеся во время застолий братии и гостям. Из нее можно было спуститься вниз — в поварню и хлебню, печами которых обогревался пол и вообще все помещение трапезной палаты.

В линию с палаткой чашника располагалось открытое в стороны гульбище, на которое поднимались по крыльцу-всходу с крытой шатриком нижней площадки-отдыха. Но трапезная трапезной, однако для монастыря было важнее ее подцерковье с просторными подвалами и лабиринтом изолированных друг от друга глухими стенами камер. Они сдавались внаем состоятельному купечеству для хранения от ярмарки до ярмарки долго не портящихся товаров, чтобы торговым людям не надо было тратить на дорогостоящие перевозки товаров в случае нераспродажи.

Каждая камера запиралась на нутряные и висячие замки, запечатывалась свинцовыми пломбами. Повседневный надзор за их сохранностью поручался одному из иноков монастыря под личную ответственность. За это охранитель получал от купца плату, в случае же кражи товара — должен был возмещать пропавшее из собственного кармана или попадал на долговую отсидку в монастырскую тюрьму.

К юго-западному углу трапезной палаты примыкает четырехъярусная колокольня — один из интереснейших образцов русских звонов XVII века. Нижнее помещение колокольни (9×9 м) использовалось как тюрьма для монастырских ослушников, которых использовали обычно на работах в хлебне. Второй-третий ярусы занимали келарская и монастырская библиотека. На ярусе же звона располагались колокола и механизмы часов. Часы в Макарьеве существовали еще на рубленой колокольне. Затем они были перенесены на вновь отстроенную каменную колокольню и приведены боем к малым «зазвонным» колоколам.

Возведение новой каменной колокольни, которая могла теперь нести более значительный вес звонов, позволило постепенно заменить старые колокола на более тяжелые и звонкие. За 529 рублей 15 мая 1656 года Иларион отлил «Полиелейный» колокол весом в 108 пудов, а через год по его же приказу мастер Григорий Ларин возле монастыря отлил «Славословный» колокол весом в 73 пуда.

В разгар строительных работ в Макарьеве Иларион неоднократно выезжал в Москву и как глава одного из известнейших монастырей России участвовал в Соборах иерархов православной церкви.

Вступивший 21 июля 1652 года на патриарший престол Никон в условиях острого противодействия бывших сотоварищей по придворному кружку боголюбцев (ревнителей благочестия) проводимым им реформам стал активно искать сторонников. Иларион с его кипучей энергией (лучшей характеристикой тому служили развернутые в Макарьеве каменные строительные работы!) более всего, казалось, подходил ему. По этой причине Никон предпринял энергичные меры для продвижения Илариона по церковной иерархической лестнице...

В Макарьеве настоятели тогда носили звание игуменов. Но для авторитетного участия в патриаршем совете этого было недостаточно. Поэтому в 1656 году Никон назначает Илариона главой нижегородского Печерского монастыря, где настоятели издавна носили звание архимандрита, и посвящает его в этот сан. Спустя же несколько месяцев Никон возвращает Илариона назад в Макарьев уже в сане архимандрита, а через три недели вызывает в Москву, где и рукоположил его в сан архиепископа Рязанского и Муромского. Всего за год Иларион проходит путь от игумена до архиепископа — главы духовной жизни одной из богатейших епархий России.

В новых условиях коренным образом меняются взгляды Илариона на бывших единомышленников. Если ранее Иларион был близок к Аввакуму Петрову и в ночных бдениях-беседах с ним в Макарьеве утверждал себя борцом за нравственное очищение русского общества, то после получения архиепископской кафедры становится одним из непримиримейших гонителей сторонников старой веры.

В одной из своих «Бесед» Аввакум Петров впоследствии горестно воскликнет: «Друг мой, Иларион, архиепископ Рязанской... Недостоин суть век твой весь Макарьевского монастыря единыя нощи», и далее дает ему остро сатирическую, уничтожающую характеристику: «В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтоб черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать»⁶³.

Но и Никону, поднявшему Илариона на вершину власти, последний верен не будет. Как каждый изворотливый, ищущий в жизни лишь личных выгод человек, он при случае найдет повод для недовольства политикой Никона и встанет в ряды его противников. Сначала это будет выражено «эзоповским» языком...

Вступление Никона на патриаршество отмечено активным участием в этом царя Алексея Михайловича, называвшего главу русской церкви «собинным» другом и поручавшего ему при отъездах из Москвы управление Боярской думой. Бывший крестьянский сын нижегородского мордовского села Вельдеманова, бесприютным сиротой искавший некогда убежище в Макарьеве, Никон достиг вершин власти, стал величаться «Великим государем» — царским титулом.

Однако ряд серьезных просчетов в делах государственного управления, непримиримый нрав и высокомерие восстановили против него людей самых различных социальных слоев населения, чрезмерная же гордыня привела сначала к заметному охлаждению, а затем, в июле 1658 года, к разрыву отношений с царем. После публичного нравоучения при всем народе Ю. И. Ромодановским считавший себя униженным Никон в великом гневе покинул Москву и, переселившись на годы в основанный им Новый Иерусалим, занялся его строительством. Сложное внутривластное положение в стране, «развороченное» решениями Соборного Уложения и церковными реформами, требовало повседневного участия в государственных делах главы церкви. Но проходили годы, а патриарх не желал укрощать свой нрав, распаляясь мечтой об отмщении обидчикам.

В 1660 году к Никону в Новый Иерусалим была направлена представительная депутация от имени Боярской думы с вопросом: не откажется ли патриарх добровольно от сана, который он по своей воле давно сложил с себя? Но ответ был отрицательным и категоричным.

С этого времени правительство Алексея Михайловича стало активно искать выход из положения, а заодно — обсуждало вопрос о новой кандидатуре будущего главы церкви. Претендентов было немало. Одним из них считал себя Иларион и желал, чтоб в этом были уверены и другие, прежде всего — царское окружение. Необходимо было убедить всех в своем особом трудолюбии, хозяйственной рачительности, организаторском таланте и дипломатической предусмотрительности. Подобная самореклама всегда вызывала неприязнь и враждебность окружающих, поэтому следовало вести дело тонко и ненавязчиво. «Козырем» Илариона в этом оставался отстроенный им ансамбль Макарьев-Желтоводского монастыря, о котором тогда знал каждый русский человек и приезжий иностранный торговец, а хозяйственные проблемы крупных советских и духовных феодалов в той или иной мере постоянно отражались в делах знаменитой Макарьевской ярмарки.

В 1661 году Иларион организует поездку в Макарьев видного изографа Московской Оружейной палаты Симона Ушакова для создания иконы, посвященной чудотворцу Макарию Унженскому и Желтоводскому (напомним, что он почитался патрональным святым царствующего рода Романовых). Подобные посвященные иконы создавались во множестве. Но Илариону было важно воспроизвести на архитектурном фоне иконы вы-

строенные им здания, чтобы подчеркнуть «истинность» значимости его как администратора.

На фоне иконы оказался изображен и еще только строящийся Троицкий каменный собор и часть каменной ограды монастыря. Для «чистоты» образа строительные леса при этом не изображались. Внизу же на поле ковчега иконы Симон Ушаков вывел бисерную надпись: «Лета 7169 года писан сей образ в обители преподобного Макария у Желтых вод. По обещанию великого господина преосвященного Илариона архиепископа Рязанского и Муромского. Писал изограф Симон Ушаков»⁶⁴.

Анализ архитектурного фона иконы не оставляет сомнений, что С. Ушаков был в Макарьеве, воочию наблюдал развитие монастырского ансамбля, останавливался либо у своих родственников в рядом расположенном селе Кирикове, либо в самом монастыре. Так икона стала не только высокохудожественным произведением древнерусской иконописи, но и историческим документом малоизвестного периода формирования ансамбля, вехой творчества малоизученного периода жизни прославленного русского изографа-реформатора в области отечественной живописи.

Таким Макарьев-Желтоводский монастырь Аввакум Петров увидел на пути из сибирской ссылки весной 1664 года. Связь же Аввакума с нижегородским Заволжьем, где с 1656/57 года на притоке Керженца Белмаше был поставлен беглым монахом Бизюкова монастыря из-под Смоленска Ефремом Потемкиным первый старообрядческий скит, оставалась постоянной даже во время его ссылки.

Туда, за Волгу, Аввакум посылал тайно письма, горестно вспоминая о казненных Никоном своих сторонниках: «Гаврилу священнику в Нижнем, приказал голову отсечь... А по Волге той живущих во градах, и в селех, и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч, нехотящих принять печати антихристовы. А иные ревнители закона суть, уразумевше лесь отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающиеся во дворы с женами и детьми, и сожигаются огнем своею волею»⁶⁵.

Таким образом, ныне сохраняющиеся здания древнего ансамбля Макарьев-Желтоводского монастыря остаются не только прекрасными творениями древнерусских мастеров, но и историческими памятниками жизни Аввакума Петрова, Илариона Рязанского и самой истории сурового и неповторимого «бунташного» XVII столетия.

НИЖЕГОРОДСКИЕ «БОГОЛЮБЦЫ»

риидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другога отпустил в поле» — так запишет в «Житии» об одном из своих подвигов во время службы в Лопатищах Аввакум Петров.

Казалось бы, частный эпизод! Но он позволяет с большей долей достоверности увидеть реальную жизнь Нижегородского древнего края, удивительную живучесть сохранявшихся с языческих времен народных верований и представлений, противоборство этому русской православной церкви. Очищение от «скверны» русского общества стало одной из задач созданного в 1646—1648 годах при кремлевском дворце молодого царя Алексея Михайловича кружка «ревнителей древлего благочестия», или «боголюбцев»⁶⁶.

Но ранее, еще в 1630-х годах, в Нижегородском крае сложилось сообщество священноцерковнослужителей, поставивших перед собой во многом схожие с целями будущего столичного кружка задачи. Инициатором объединения местных попов-идеологов был нижегородец родом, впоследствии священник Успенской церкви приселка Лыскова Кирикова Ананий со своим учеником Иваном Нероновым.

Об Анании известно немного. Даже специальные исторические исследования нередко умалчивают его имя, либо упоминают вскользь, в то время как роль Анания в истории старообрядчества и в судьбах таких видных церковно-политических деятелей России XVII века, как Никон, Иван Неронов, Павел Коломенский и другие, была заметной, думается, еще не до конца выявленной.

Изначальные сведения об Анании восходят к 1620-м годам, когда он в Нижнем Новгороде состоял приходящим священником женского Зачатьевского монастыря. Обитель была основана еще в XIV столетии под Кремлевским холмом, на берегу Волги-реки, женой великого князя Андрея Константиновича Василисой (в иночестве Феодорой), пользовалась в округе широкой известностью и служила местом пострижения самых знатных нижегородок. В начале XVII века Зачатьевский монастырь оставался деревянным: с клетской церковью и двумя придельными храмами по сторонам трапезной палаты, 36 рублеными кельями и бревенной оградой, в которой выделялись причудливыми формами лишь святые ворота с ввысь поднятой стройной главкой.

Здесь, в Нижнем Новгороде, в семье Анания появились на свет сыновья: Петр и два Ивана (наличие в одной семье двоих-троих детей с одинаковыми именами в XVII веке не было редкостью!). Но священник вступил в какой-то конфликт с властями и был вынужден спешно покинуть

Нижний Новгород, переселился в приселок Лыскова Кириково, где сельчане срубили церковь, и Ананий стал ее первым попом.

Подраставшие сыновья помогали отцу в храмовой службе. К 1639 году Петр был рукоположен в священнический, а старший Иван — в дьяконский сан. Младший же Иван (впоследствии митрополит Суздальский Иларион) в 1647 году женился на сестре будущего яркого противника никоновских реформ Павла Коломенского Ксении.

В 1630-х годах возле Анания в Кирикове формируется группа «боголюбцев», в которую входили живший в его доме Иван Неронов, строитель Лысковского Казанского мужского монастыря Авраамий, попы сел Инкина — Агафоник и Мурашкина — Иван Курочка. Они впоследствии станут известными поборниками «старой веры» и будут привлечены за это для дознаний на церковный Собор 1666 года.

Кириково станет широко известным духовным центром Нижегородского края. Сюда для наставлений и благословения приходили многие люди, в том числе и крестьянский сын мордовского села Вельдеманова Никита Минич (будущий патриарх Никон), с которым здесь произойдет трудно объяснимое событие... Когда он, как это и было принято в обиходе, войдя в церковь, склонил перед Ананием голову для благословения, священник, к великому удивлению и суеверному страху присутствовавших, сам опустился на колени перед юношей, а объясняя это, предсказал ему будущность главы русской православной церкви.

Тогда это вызвало у современников лишь удивление. Но пройдут годы... Ананий, схоронив супругу, оставит Успенскую церковь в Кирикове на попечение подросших сыновей, а сам уйдет в Спасский монастырь на реку Юг, примет там постриг и станет именоваться священноиноком Антонием. Но и в далеком монастыре он не потеряет связей со своими учениками-«боголюбцами». В 1652 году в качестве одного из претендентов на патриарший престол Антоний будет вызван в Москву и окажется избран главой русской православной церкви, но, помня свое давнее пророчество, передаст белый патриарший клобук Никону. После этого Антоний вернется с богатыми подношениями от царя Алексея Михайловича и Никона в Кириково, где вскоре и закончит свой земной век, будет погребен рядом с женой и снохой Ксенией на погосте Успенской церкви, над кручами луки Сундовика-реки.

Проведение Никоном указным порядком церковных реформ сразу же натолкнулось на неприятие их «боголюбцами»: Аввакумом Петровым, Иваном Нероновым, Стефаном Внифантьевым и другими.

Из высших же иерархов церкви к ним примкнули лишь епископы Павел Коломенский и Александр Вятский. Они были особенно опасны для Никона, так как обладали правами рукоположения в священнические саны и могли пополнять ряды его идейных противников. Поэтому именно они в первую очередь подверглись репрессиям: Павел Коломенский был отослан в заточение в северный Палеостровский монастырь, а Александр Вятский оставил епископскую кафедру и ушел от мира в самозаточение, избрав пассивную форму протеста: «...не соизволи прияти Никоново новопредание, затворясь в келии и с плачем и рыданием древнее благочестие в недрах своих сохраняет», — писали о нем ученики.

Иначе вел себя «в узилище» Павел Коломенский, тайно переписывавшийся, несмотря на строжайшие запреты, со своими сторонниками и прежде всего с иноками Соловецкого монастыря. Понимая, что сломить «тяготами» епископа не удастся, Никон приказал уничтожить его физически — сжечь «в сруби бо сделанном на то, яко агнец непорочен, огненной смерти немилостиво предастся в лето 7164 (1656 г.— Н. Ф.)... страдалческую прият кончину и в небесная села, яко огненною колесницею, вознесен бысть», дав яркий пример стойкости на будущие времена истинным сторонникам «старой веры», в том числе и для Аввакума Петрова.

Но вернемся в Кириково, к временам жизни там Анания и приезда к нему другого будущего «столпа» старообрядчества Ивана Неронова.

Его «Жизнеописание», составленное игуменом Спаскаменного Кубенцевского монастыря Феоктистом⁶⁷, позволяет воссоздать все основные этапы становления как личности этого противоречивого и далеко не всегда последовательного в поступках человека, с которым окажется тесно переплетенной и жизнь Аввакума.

Родился Иван Неронов в 1591 году близ города Вологды, в семье крестьянина — «от христиану родителю, проста рода, от отца именем Мирона», но в годы Смуты начала XVII столетия был вынужден бежать из разоренного польско-литовскими и шведскими интервентами края на Волгу, «в пределы Нижняго Новаграда в село Лысково; и обрете тамо священника именем Ананию во всех добродетелех ходяща... и извыче от него разумети, яже о Божественном писании суть недоведомая»⁶⁸.

При поддержке Анания в середине 1630-х годов Иван Неронов из Кирикова перебирается в Нижний Новгород, где возобновляет заброшенную деревянную кремлевскую приходскую Воскресенскую церковь, за что и получает иерейский сан.

Страстные проповеди о самоочищении прихожан от житейской «скверны», призыв к отказу от традиционных увеселений, противоречивших, по его убеждениям, нравственности и догматам православия, а также факты его физической борьбы со скomorохами привели к плачевным результатам для него самого и учеников: «Бе же в граде том научением диавольским множество скomorахов, иже кождаху по стогнам града с бубны и с домрами и с медведьми. Иоанн же непрестанно запрещааше им, да останутся такового злаго обычая и смехотворных игралищ, яже не суть угодна Богу, и сокрушаше их бубны и домры. Они же, гнева на нь и ярости исполняющесея, бияху божия иерея. И многа страдания от скomorахов онех, яко от слуг сатанинских, подъемляше...

Многажды же исхождаше Иоанн противу скomorахов с ученики своими во время Рождества Христова и святого Богоявления, в ты дни, иже нарицаютца святки: понеже тогда множество игр бываше в вечер и в нощи. Того ради Иоанн в вечер позден и в полунощи хождаше по стогнам града, и сражахуся с бесовскими слугами, и повелеваше учеником своим орудия игр бесовских разбивати и сокрушати. И тако сражающесея, многи раны от скomorахов, бесовских слуг, приемляше Иоанна и ученицы его, и носяще страдание не теле своем, яко некий дар, с радостию, кровию обагрени, еле живы в дом возвращахуся»⁶⁹.

Иван Неронов был жестоко наказан за учинение в городе беспоряд-

ков во время борьбы со скоморохами и со стороны нижегородского воеводы Василия Петровича Шереметева⁷⁰ — был бит по обнаженным ногам батогами, а затем брошен на 14 дней в кремлевскую земляную тюрьму.

Столь острый конфликт Ивана Неронова с всемогущим воеводой заставил его искать защиты у патриарха Филарета Никитича в Москве. Своеобразным обоснованием этого станет жалоба Ивана Неронова с группой местных священников 1636 года патриарху: «От Рожества Хва и до Бго-явления делают гсдрь по домох игрища и собираются на тои злои зер зело по многу мужи и жены, и игры творят всякого бесовскаго мечтания многими образы злыми, ругаются млосоудию Бжию и Пречстыя Его праздником. И делают гсдрь лубяныя кобылки и туры и оукрашают полотны и шелковыми ширинками и повешают колоколцы на ту кобылку, а на лица своя полагают личины косматыя и зверовидныя и одежду таковую ж, а создати себе оутверждают хвосты, яко видимыя беси, и срамная оудеса в лицах носяще и всякое бесовско козлогласующе и объявляюще срамныя оуды, а иные в бубны бьюще и плещуще и пляшуще, и ина неподобная творяще, и сим гсдрь образом не токмо по домох, но и по оулицам града и по селом и по деревням ходяще, яко неистовии блудници...»⁷¹.

Не меньшее раздражение Ивана Неронова «с товарищи» вызывало проведение престольного праздника властями нижегородского Печерского монастыря: «...с кабаками и со всякими пьяными питии, а игрецы и медветчики и скомороси з бесовскими оружии, и собрався гсдрь к тому Печерскому мнастырю, и мнятся праздновати сицевым образом: медветчики с медведи и плясовыми псицами, а скомороси и игрецы с личинами и с позорными блудными орудии, з бубнами и с сурнами и со всякими сатанинскими блудными прелесми, и злыя гсдрь прелести бесовския деюще, пьянствующе, пляшуще и в бубны бьюще и в сурны ревуще и в личинах ходяще»⁷².

Таким образом, скоморошья потехи и ряженье в «зверовидные» личины, кулачные бои и всевозможные игрища оставались в XVII веке неотъемлемыми элементами народных гуляний, даже и по православным «двунадесятым» праздникам. Подобные игрища проходили тогда во многих городах и весях Нижегородского края. Одно из них в Лопатищах и разогнал неистовый Аввакум, что вызвало гнев владельца села боярина Василия Петровича Шереметева, того самого нижегородского воеводы, который жестоко наказал в свое время за подобное Ивана Неронова. Но это же сделало Аввакума союзником-сотоварищем перебравшегося в Москву «боголюбца».

Несмотря на свой духовный сан, Иван Неронов оставался неукротимым и не особо разбирающимся в средствах борьбы человеком. Об этом красноречиво свидетельствуют события лета 1641 года в лысковском присельке Кирикове, куда из Московского Большого Дворца прибыл пристав Иван Левонтьев для взятия поручных записей в каком-то деле у попа Петра Ананьина и дьякона Ивана (у сыновей названного нами выше Анания). Но те отказались подчиняться светскому лицу, и пристав, силой заковав их, доставил к себе на подворье в Кузнечную слободку Лыскова. Но спешно прибывший из Нижнего Новгорода на выручку Иван Неронов с кириковцами и лысковчанами, как жаловался потом пристав, «в вечер поздно пришли разбоем ко мне, холопу твоему, на подворье — тех колодников отби-

ли и железа с них розбили, а меня, холопа твоего, убили до смерти и пограбили», отобрав и кафтан, и саблю, и пистоль, и опояску с кинжалом⁷³.

Жалоба пристава на Ивана Неронова, как зачинщика и организатора нападения на государственного человека, имела для него серьезные последствия. В 1641 году он был отправлен «на исправление» в северный Николо-Карельский монастырь и лишь по прошествии нескольких лет отпущен назад в Нижний Новгород. (В «Житии» Ивана Неронова этот эпизод его биографии назван без указания причин ссылки в северный монастырь).

По возвращении в город на Волге Иван Неронов в Нижегородском кремле «не по мнозех летех пришествия своего из заточения, нову созда церковь каменну Воскресения Христова, и украси ю зело святыми иконами и ризами... Присовокупи же к церковному зданию и трапезу велию каменну... келии каменные окрест церкви созда, и монастырь девичь устрой»⁷⁴.

Каменное строительство вел в 1647—1649 годах⁷⁵ известный в стране купец-зодчий Семен Задорин. Это позволяет уточнить и даты жизни самого Ивана Неронова, достаточно противоречиво изложенные в его «Жизнеописании», неточные и в исторической отечественной литературе.

Острая необходимость в экономической помощи при ведении значительного по объемам, дорогостоящего каменного строительства, привела Ивана Неронова в Москву, где произошла его встреча с царским духовником протопопом Стефаном Внифантьевым. Последний же, используя свое особое положение при царском дворе, уговорил Алексея Михайловича принять решение — «да будет Иоанн в царствующем граде Москве» протопопом Казанского собора — украшения Красной площади столицы, возведенного в память побед над польско-литовскими интервентами личной казной полководца Дмитрия Михайловича Пожарского.

Иван Неронов не сразу перебрался на новое место службы: «Имея же попечение иерей Иоанн о прежней своей, яже в Нижнем Нове-граде церкви, воспомяну ученика своего именем Гавриила, иже бе Нижняго Нова-града церкви Воскресения Христова диакон, муж искусен и свидетельствован во всяком благочестии... да будет в Нижнем Нове-граде вместо его в церкви святого Воскресения иереем»⁷⁶. Для этого Гавриилу необходим был более высокий духовный сан⁷⁷ священника. Обряд посвящения и выполнил по царскому указу патриарх Иосиф. Новый нижегородский иерей станет последовательным проводником идей «ревнителю благочестия», а затем и видным деятелем сторонников старой веры. В своей первой книге бесед Аввакум Петров в связи с массовыми репрессиями сторонников старообрядчества позднее с горечью запишет, что тот и «Гавриилу, священнику в Нижнем, приказал голову отсечь»⁷⁸.

Тем самым «расшифровывается» еще одна довольно «глухая» запись из «Книги бесед» Аввакума Петрова, связанная с нижегородскими событиями середины XVII века, личностью Ивана Неронова и преданного идеям «ревнителю благочестия» его ученика и последователя иерея Гавриила.

Так самым причудливым образом переплетутся в XVII веке судьбы многих людей, судьба Нижегородского края и всей России. Местные события не только достаточно полно отразят общие социально-экономические и идеологические движения в стране, но и нередко дадут им первотолчок.

Знакомясь с историей мест, связанных с жизнью и деятельностью вели-

кого писателя-публициста, мы как бы заново открываем для себя Аввакума Петрова как личность во плоти и деяниях, его окружение и приоткрываем завесу забвения над явно недостаточно изученным социально-религиозным движением в России, получившим в народе название «старообрядчество».

ЭПИЛОГ

14 апреля 1682 года Аввакум Петров вместе с сотоварищами по «узилищу»: иноком Епифанием, дьяконом Федором и иереем Лазарем, были заживо сожжены в Пустозерске после 12-летнего заключения в деревянном срубе.

Пустозерск был основан в 1499 году как опорный пункт защиты Русского Севера, но в XVII столетии стал нередко использоваться как место ссылки опальных государевых людей. Кроме Аввакума «с сотоварыщи» здесь в XVII веке отбывали наказание и боярин Артамон Матвеев, и участники крестьянской войны под предводительством Степана Разина, и бунтари-монахи Соловецкой обители.

Тем не менее крайне скудны наши знания о северной русской крепостице, особенно на время заключения в ней Аввакума Петрова, поэтому интерес представляют любые, самые, казалось бы, незначительные сведения, способные пролить свет на последние годы жизни неистового протопопа.

Известно, что в 1648 году в Пустозерске был учрежден постоянный гарнизон из 50 стрельцов. При заключении «в узилище» Аввакума Петрова «с сотоварыщи» воеводой там был Василий Григорьевич Диков. Тюремных сидельцев охраняли стрельцы пятидесятника Матюшки Ворсина, десятников Мишки Михайлова и Захара Лукина.

В 1671/72 году, после подавления народного движения под предводительством Степана Разина и в условиях подготовки к штурму не принявшего реформ Никона Соловецкого монастыря, «великого государя по грамотам и по отписке ис Пустозерского острогу воеводы Григорья Неелова прислано в Пустозерском же остроге из волных людей другая 50 человек стрельцов. Да сверх того, там же приверстано из новокрещеной самояди и из ссыльных людей 10 человек»⁸⁰.

Таким образом, за время первых лет заключения Аввакума Петрова гарнизон Пустозерска увеличился с 50 до 110 человек. Каждому из них выдавалось ежегодно государево жалованье в размере 3 руб. денег и по 9 четей хлеба.

Кроме стрелецких дворов в рубленной крепостице и возле нее ко времени сожжения Аввакума «со сотоварыщи» стояло 52 посадских двора, жители которых вместе с гарнизоном и стали свидетелями мученической смерти «соузников».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Житие протопопа Аввакума. — Горький, 1988. — С. 10.
- ² Время создания «Жития» — «около 1673 г.» — Изборник. — М., 1969. — С. 782.
- ³ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7481, л. 63 об. — 64.
- ⁴ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7513, л. 77.
- ⁵ ГАГО, ф. 579, оп. 589, д. 259, л. 1.
- ⁶ Он был тогда единственным церковнослужителем с именем Петр во всем Закудемском стане Нижегородского уезда.
- ⁷ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7514, л. 1.
- ⁸ ПСРЛ. — М., 1987. — Т. 36. — С. 260.
- ⁹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7480, л. 124 об.
- ¹⁰ Дворцовые разряды. — СПб., 1850. — Т. 1. — С. 322 — 323.
- ¹¹ Там же. — С. 334.
- ¹² Там же. — С. 353.
- ¹³ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7480, л. 122 об. — 123.
- ¹⁴ Там же, л. 123 — 124.
- ¹⁵ Там же, л. 124 об.
- ¹⁶ Там же, л. 124 об. — 125.
- ¹⁷ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 172, 146.
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7481, л. 162.
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7480, л. 116 — 116 об.
- ²⁰ Житие протопопа Аввакума. — С. 10.
- ²¹ Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века. — МГУ, 1977. — С. 20.
- ²² На правах временного неплатежа государственных податей в течение 5 лет.
- ²³ Исторические записки. — 1941. — № 10. — С. 94.
- ²⁴ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 14. — С. 72.
- ²⁵ Там же. — С. 86.
- ²⁶ В итоговой части дозора писцы ошибочно указали в селе 77 крестьянских дворов. Подобные описки в писцово-переписных книгах XVII века довольно часты, что свидетельствует прежде всего о невысоком уровне математических их способностей и о необходимости при использовании подобных материалов тщательного построечного пересчета исследователями.
- ²⁷ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7513, л. 77 — 79 об.
- ²⁸ Десятина = 2 четвертям (четям) = 11000 кв. м = 2400 кв. саж. Сажень (писцовая, 3-аршинная) = 213 см.
- ²⁹ Выть в зависимости от плодородия земли включала от 10 до 20 четей земли.
- ³⁰ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7513, л. 79 об. — 80.
- ³¹ Действия НГУАК. — Н. Новгород, 1905. — Т. 6. С. 64. Пошлинные деньги собирались сверх оброка. Они брались за прием меда, за запись его в особые книги, за доставку меда на «государев обиход» в Москву. (Обычно по 2 алт. с руб.).
- ³² ЦГАДА, ф. 1209, д. 7480, л. 116 — 116 об.
- ³³ Там же, л. 117 — 117 об.

- ³⁴ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7481, л. 66—66 об.
- ³⁵ ПСРЛ— Л., 1977.— Т. 33.— С. 172.
- ³⁶ Дворцовые разряды.— СПб., 1851.— Т. 2.— С. 626.
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 1209, д. 296, л. 450—459.
- ³⁸ Житие протопопа Аввакума.— С. 11.
- ³⁹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 296, л. 458 об.
- ⁴⁰ Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века.— МГУ, 1977.— С. 12.
- ⁴¹ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7513, л. 51 об.— 52.
- ⁴² Имя достаточно редкое для нижегородских сельчан. Человек с именем Марко в Григорове в первой половине XVII века не значится. В Лопатищах же был один Марко Иванов.
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7480, л. 123 об.
- ⁴⁴ Четь немолотого хлеба равнялась 6 пудам, осьмина 3 пудам.
- ⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1209, д. 7480, л. 119—119 об.
- ⁴⁶ Там же, л. 125 об.— 130 об.
- ⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1209, д. 296, л. 471—471 об.
- ⁴⁸ Дворцовые разряды.— СПб., 1851.— Т. 2.— С. 650.
- ⁴⁹ Оба непосредственно связаны с жизнью Аввакума Петрова, ибо Петру Васильевичу принадлежали Лопатищи, а Матвея Шереметева он отказался благословить за брадобритие и был за то брошен его отцом в Волгу.
- ⁵⁰ Четверо рынд служили личной охраной царя при официальных церемониалах. В отличие от других придворных, они были одеты в одинаковые белые одежды с золотыми цепями на груди, а на плечах держали топорки-секиры — символы их достоинства. В рынды назначались юноши 14—15 лет из пользовавшихся личным доверием царя родов.
- ⁵¹ Дворцовые разряды.— СПб., 1851.— Т. 2.— С. 728, 736, 741, 745, 749.
- ⁵² Житие протопопа Аввакума.— С. 12.
- ⁵³ Дворцовые разряды.— СПб., 1852.— Т. 3.— С. 38—39.
- ⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1209, д. 296, л. 471 об., 473, 475.
- ⁵⁵ Житие протопопа Аввакума.— С. 47.
- ⁵⁶ Там же.— С. 49.
- ⁵⁷ ЦГАДА, ф. 281, Нижегородский уезд, д. 111/8052, л. 1.
- ⁵⁸ ГПБ ОР, ф. 775, д. 4559, л. 261—263.
- ⁵⁹ ЛОИИ СССР АН СССР, к. 12, оп. 2, т. 3, л. 550.
- ⁶⁰ Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских.— М., 1850.— Кн. 8.— С. 43.
- ⁶¹ Там же.— С. 46.
- ⁶² ГБЛ ОР, Ц. 26582, л. 1132 об.
- ⁶³ Житие протопопа Аввакума.— С. 70.
- ⁶⁴ Икона хранится в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике.
- ⁶⁵ Житие протопопа Аввакума.— С. 59.
- ⁶⁶ Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке.— М., 1986.— С. 7, 31.
- ⁶⁷ Материалы для истории раскола.— М., 1874.— Т. I.— С. 134—304.
- ⁶⁸ Об Анании ниже скажем особо, ибо он оказался причастным к многим важным событиям в жизни России XVII века.
- ⁶⁹ Материалы для истории раскола...— Т. I.— С. 260—261.
- ⁷⁰ В. П. Шереметев был воеводой Нижнего Новгорода с 1634 по 1637 год. (Нижегородский летописец.— Н. Новгород, 1886.— С. 55.). Известие о наказании Ивана Неронова в его «Жизнеописании» нижегородским воеводой Федором Шереметевым ошибочно. Такого воеводы в первой половине XVII века в городе не было.

- ⁷¹ Белкин А. А. Русские скоморохи. — М., 1975. — С. 170.
- ⁷² Там же. — С. 171.
- ⁷³ ГАГО, ф. 579, оп. 589, д. 130, л. 1.
- ⁷⁴ Материалы для истории раскола... Т. I. — С. 271.
- ⁷⁵ «В 7155 году в Нижнем, внутри города, поставлена церковь каменная в Воскресенском монастыре близ Николских ворот, строил бывший в Нижнем Новгороде гость Семен Задорин во 157 году». (Древняя российская вивлиофика. — М., 1791. — Ч. 18. — С. 88.).
- ⁷⁶ Материалы для истории раскола... Т. I. — С. 278.
- ⁷⁷ Лишь иерей имел право принятия исповеди.
- ⁷⁸ Житие протопопа Аввакума. — С. 59.
- ⁷⁹ Георгиевский В. Флорищева пустынь. — Вязники, 1896. — С. 14. Эти данные подтверждаются «Житиями» архиепископа Суздальского Илариона, сына Анания. Другой его сын, Петр, после ареста Ивана Неронова в 1653 году станет попом Казанского собора на Красной площади Москвы.
- ⁸⁰ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 186.
- ⁸¹ ЦГАДА, ф. 141, д. 328—1678 г., л. I.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Новые документы XVII века, связанные с местами жизни Аввакума Петрова

Выпись из Дозорных книг Закудемского стана Нижегородского уезда
1614 года писца Семена Языкова и подьячего Емельяна Евсева
(ЦГАДА, ф. 1209, д. 7513)

л. 51 об. «Деревня Лопатище на речке на Ивашечке, а в ней бортники:

- дв. Ивашко Остафьев, полчети выти;
- дв. Бориско Иванов, четь выти;
- дв. Степанка Федоров, полчети выти;
- дв. Микифорко Иванов, полчети выти;
- дв. Дружинка Федоров, полчети выти;
- дв. Марко Иванов, полчети выти;
- дв. Гришка Иванов, полчети выти;
- дв. Олеша Онаньин, полчети выти;
- дв. Лучка Иванов, полчети выти;

л. 52

- дв. Тренка // Данилов, полчети выти;
- дв. Савка Дмитриев, четь выти;
- дв. Воинко Иванов, полчети выти;
- дв. Ромашко Иванов, полполчети выти;
- дв. Кречко Тиханов, полувыти;
- дв. Ивашко Иванов, полчети выти;
- дв. Андрюшка Никифоров, полвыти;
- дв. Оверчка Иванов, полвыти;
- дв. Стенка Павлов, полвыти;
- дв. Лукоянко Иванов, полчети выти;
- дв. Родка Федоров, четь выти;
- дв. Игнашка Федосеев, полвыти;
- дв. Мишка Иванов, четь выти.

И всего 22 двора, а людей в них тож.

Пашни паханные в живущем 5 вытей, да перелогу лесом поросло болшим 6 вытей с четью и полчети выти в поле, а в дву потому ж добрые земли. Сена 200 копен».

л. 77 «Село Григорово, а в нем храм страсотерпцы Борис и Глеб, нов, не свещен, образы и книги и ризы, на колоколнице колокола, мирское строенье. Да церковных дворов:

- дв. поп Оксен Ерофеев;
- дв. дьячок Федка Иванов.

Да 3 кельи, а в них живут нищие, питаютца от церкви божией.
Пашни церковные 10 чети.

Да в селе ж крестьяня дворы ставят ново:

- дв. Пятунка Семенов, четь выти;
- дв. Васка Иванов, четь выти;
- дв. Тимошка Нечаев, четь выти;
- дв. Васка Дмитриев, полчети выти;
- дв. Петрушка Кузмин, полчети выти;
- дв. Федка Степанов, полчети выти;
- дв. Шестак Павлов, полчети выти; //
- л. 77 об. дв: Федка Кондратьев, полчети выти;
- дв. Сергейко Исаев, полчети выти;
- дв. Володка Ортемьев, полчети выти;
- дв. Кирилко Иванов, четь выти;
- дв. Сенка Левонтьев, полчети выти;
- дв. Данилко Ларионов, полчети выти;
- дв. Сенка Фофанов, полчети выти;
- дв. Михалко Давыдов, полчети выти;
- дв. Офремко Савельев, полчети выти;
- дв. Онофрейко Терентьев, четь выти;
- дв. Федотка Васильев, четь выти;
- дв. Сергейко Семенов, четь выти;
- дв. Тренка Тимофеев, четь выти;
- дв. Ивашко Парфеньев, четь выти;
- дв. бобыль Куземка Олексеев;
- дв. вдова Оринка Григорьева, полчети выти;
- л. 78 дв. Савка Иванов, // полчети выти;
- дв. Дружинка Яковлев, полчети выти;
- дв. Куземка Федоров, полчети выти;
- дв. Франко Васильев, четь выти;
- дв. Васка Олексеев, полчети выти;
- дв. Первушка Дмитриев, полчети выти;
- дв. бобыль Первушка Иванов;
- дв. Кондрашко Аврамов;
- дв. Куземка Григорьев;
- дв. Ивашко Исаев, полчети выти;
- дв. бобыль Данилко Тарасьев;
- дв. Тимошка Иванов, полчети выти;
- дв. Дружинка Михайлов, полчети выти;
- дв. Петрушка Гаврилов, полчети выти;
- дв. Сенка Кирьянов, четь выти;
- дв. Панфилко Клементьев, четь выти;
- дв. Максимко Павлов, четь выти;
- дв. Захарко Павлов, четь выти;
- дв. Степанко Семенов, четь выти; //
- л. 78 об. дв. Ивашко Федоров, четь выти;
- дв. Тренка Денисов, четь выти;
- дв. Первушка Никонов, четь выти;

дв. Митка Григорьев, четь выти;
дв. Федка Давыдов, четь выти;
дв. Нефедко Федоров, четь выти;
дв. Фирско Иванов, четь выти;
дв. Клишко Павлов, четь выти;
дв. Софонко Иванов, четь выти;
дв. Васка Яковлев, четь выти;
дв. Сенка Никонов, четь выти;
дв. Спирко Дмитриев, вдовой поп, четь выти;
дв. Гришка Прокофьев, четь выти;
дв. Панкратко Степанов, четь выти;
дв. бобыль Федка Ларионов;
дв. Тимошка Петров, четь выти;
дв. Никонко Микитин, четь выти;
дв. Игнатко Минин, четь выти;
дв. Якунка Иванов, четь выти;
дв. Сергейко Степанов, полчети выти; //

л. 79 дв. Еремко Терентьев, полчети выти;
дв. Ивашко Кузмин, четь выти;
дв. Ивашко Софонов, четь выти;
дв. Офонка Тиханов, полчети выти;
дв. Перфирко Лукьянов, полчети выти;
дв. Олексейко Лукьянов, полчети выти;
дв. Офонка Ондриев, четь выти;
дв. Сенка Конон, четь выти;
дв. Карпунка Иванов, полчети выти;
дв. Стенка Емельянов, четь выти;
дв. Осипко Левонтьев, полчети выти;
дв. бобыль Клишко Тимофеев;
дв. Петрушка Борисов, четь выти;
дв. Истомка Тимофеев, четь выти;
дв. Панка Степанов, четь выти;
дв. Емелка Семенов, четь выти;
дв. Микифорко Родионов, четь выти;
дв. Молчанко Федоров, четь выти;
дв. Еремка Федоров, полчети выти.

л. 79 об. И всего в селе // Григорове: церковь да двор попов да двор дьяконов да 3 кельи. Пашни церковные 10 чети, да крестьянских 77 дворов, людей в них тож, да 5 дворов бобыльских.

Пашни паханные в живущем 15 вытей, да перелогом и лесом поросло большим 11 вытей с половиною.

Да в селе ж Григорове пустых 6 мест бобыльских, а з живущих дворов бобыли платят оброку по 5 алтын, а посопнова хлеба з живущих вытей платят крестьяне по 9 чети ржи, да по 9 чети овса, а денежные доходы по сошному писму как коли государь укажет.

л. 80 А по Платежницам, по которым // села Григорова крестьяне платили посопной хлеб, было в живущем 12 вытей, а по дозору прибыло ис пуста в жи-

вущее 3 выти. И обоево 15 вытей, а сошново писма полчети и полполчети сохи, а посопново хлеба прибыло 27 чети ржи, да 27 чети овса».

**Выпись из Писцовой книги Закудемского стана Нижегородского уезда
1621—1623 годов писцов Дмитрия Васильевича Лодыгина,
Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова
(ЦГАДА, ф. 1209, д. 7481)**

- л. 63 «За Федором Васильевым сыном Волынским в вотчине, что ему дано за
л. 63 об. службу, за Можайское осадное сиденье в коро // левичев приход под Москву,
из своих поместий, что ему дано из государевых посопных сел, в селе Григорове,
а село стоит на три усада, а меж усад ключ, а в селе церковь Бориса и Глеба,
а церковных причетников:
дв. поп Артамон Иванов;
дв. дьячек Кирилко Артамонов;
дв. пономарь Ондрюшка Микифоров;
дв. проскурница Ульяница Гарасимова.
- л. 64 Да у церкви // живут нищие, питаютца от церкви божией:
келья Ондрюшки Осипова;
келья Михалка Григорьева;
келья Тимошки Микитина;
келья Кондрашки Тимофеева;
келья Мишки Орефьева;
келья Ганки Гарасимова;
келья Игнашки Микитина;
келья Игнашки Тихонова;
келья Гришки Карпова.
Да над бугром дача:
дв. вотчинников, а живут в нем деловые люди для пашни:
- л. 64 об. Мики //форко Кондратьев, Мишка Павлов, Шестачко Поликарпов, Куземка
Ефремов, Онофрейко Иванов, Микита Григорьев, Гришка Семенов, Ефти-
фейко Гордеев, Мартемьянко Обрамов;
дв. приказчиков Ефтифея Петрова.
Да крестьянских дворов:
дв. Фирско Иванов, кузнец;
дв. Климко Павлов;
- л. 65 дв. Офонка Иванов Бахарев да Савка Ива // нов;
дв. Лазарко Фофанов;
дв. Офонка да Ортюшка Степановы;
дв. Гришка да Трошка Прокофьевы;
дв. Тимошка да Томилко Петровы, да у них же живет бобыль Ивашко Макси-
мов;
дв. Ивашко Максимов;
дв. Федка да Ларко Кондратьевы дети Шестаковы;
дв. Никифорко Никитин;
дв. Игнашко Минин;
дв. Якушко да Стенка Ивановы дети Резаковы;

- л. 65 об. дв. Ивашко Сурин; //
- дв. Ивашко ж Сурин, а прозвище Милюта;
- дв. Офонка да Федка Тихоновы;
- дв. Перша Ондреев сын Лучников;
- дв. Олешка Иванов Лучников;
- дв. Офонка Ондреев;
- дв. Сенка Дмитриев иконик, да сын ево Панкратко;
- дв. Стенка да Федка Емельяновы;
- дв. Осипко Левонтьев Кочан;
- дв. Клишко Тимофеев;
- дв. Сидорко да Петрушка Борисовы;
- дв. Сенка да Костка Семеновы дети Закалина.
- л. 66 Да бобылских // дворов:
- дв. Гришка Родионов;
- дв. Артюшка Онিকেев;
- дв. Гришка Оксентьев да Тимошка да Стенка Онিকেевы;
- дв. Панкрашка Степанов;
- дв. Серешка Степанов;
- дв. Ивашко Ондреев;
- дв. Карпунка Иванов;
- дв. Костка Михайлов;
- дв. Демка Власьев;
- дв. Дружинка Михайлов;
- дв. Ганка Кондратьев;
- дв. Антонко Васильев.
- Да пустых дворов:
- дв. Федка Степанова;
- дв. Володьки Ортемьева;
- дв. Сенки Фокина;
- л. 66 об а по роспросу взяты за старых помещиков, а иные//сошли безвестно.
- И всего: двор вотчинников, двор приказчиков, 24 двора крестьянских, а людей в них 35 человек, 12 дворов бобылских, а людей в них 14 человек, 3 двора пустых.
- Да в селе ж Григорове торг да кабак, а торгуют в неделе в один день, в субботу, а таможенные и кабацкие денги збирают люди его и крестьяне на него, на вотчинника...
- л. 70 об. Да за Федором Волинским//
- л. 71 сверж вотчинные дачи в поместье в селе в Григорове, а на помесной ево даче крестьянских дворов:
- дв. Микифорка Родионов;
- дв. Молчанка Федоров;
- дв. Пятунка Семенов;
- дв. Нефедка Ларионов;
- дв. Тимошка Яковлев;
- дв. Первуша Кузмин;
- дв. Якушка да Микифорка Кондратьевы дети Шестаковы;
- дв. Кирилко да Янка да Федка да Мишка Ивановы дети Готовнины;
- дв. Данилко Ларионов;

- л. 71 об. дв. Тренка // Терентьев Вершков;
 дв. Сенка да Янка Давыдовы;
 дв. Онофрейко да Федянка Терентьевы дети Поздеева;
 дв. Федосейко Васильев;
 дв. Серешка Семенов;
 дв. Симанко да Макарко Борисовы;
 дв. Офонка Иванов сын Мальцов;
 дв. Сенка Никонов сын Шовыря;
 дв. Ефремко Семенов;
 дв. Васка Иванов Саракушской;
 дв. Куземка Федоров;
 дв. Кирилко да Петрушко Фроловы;
 дв. Васка Оксентьев Лобачев;
- л. 72 дв. Первушка Дми//треев;
 дв. Ивашко Исаев Лобачев;
 дв. Тимошка Иванов, кузнец;
 дв. Петрунка Павлов;
 дв. Евстюшка да Ондрюшка Семеновы Казаковы;
 дв. Панфилко Клементьев, коновал;
 дв. Митка Павлов да с ним бобыль Мартынка Исаев, кузнец;
 дв. Захарко да Ивашко Павловы;
 дв. Терешка Денисов да с ним Ермолко Терентьев;
 дв. Ивашко Федоров;
 дв. Митка Парфеньев;
 дв. Ивашко Микитин Борко;
 дв. Нефедко Фролов.
- л. 72 об. Да бобыл // ских дворов:
 дв. Серешка Исаев;
 дв. Куземка Еремеев;
 дв. Федка Григорьев;
 дв. Ромашка Олексеев;
 дв. Васка да Левка Софоновы;
 дв. Офонка Иванов;
 дв. Сенка Степанов;
 дв. Тренка Клементьев;
 дв. Мосейко Терентьев;
 дв. Тимошко Семенов;
 дв. Ларка Филипов да Дружинка Савельев;
 дв. Левка Филипов да Ондрюшка Семенов;
 дв. Ивашка Сергеев да Ивашко Колос;
 дв. Ивашка Иванов;
 дв. Мишка Фролов;
 дв. Матюшка Иванов;
- л. 73 дв. Да // нилко Тарасьев да Моисейка Терентьев;
 дв. Харка Кирилов;
 дв. Ондрюшка Семенов Молоков да Гришка Иванов;
 дв. Ивашка Федоров да Еремка Терентьев;
 дв. Пятунка Кузмин, плотник.

- Да пустых дворов:
- дв. Панки Степанова;
  - дв. Дружинки Яковлева;
  - дв. Васки Никонова;
  - дв. Федки Иванова;
  - дв. Панки Степанова;
  - дв. Еуфимка Федорова;
  - дв. Васки Дмитриева.
- л. 73 об. Крестьяне из тех дворов вывезены на ста//рые места.
И всего: 35 дворов крестьянских, а людей в них 47 человек, да 21 двор бобыл-ской, а людей в них 28 человек, 7 дворов пустых».
- л. 68 «Селцо, что была деревня Лопатища на речке на Ивашевке, стоит на три усада, а в нем:
- дв. вотчинников, а живут в нем деловые люди: Ганка Григорьев, да Митка Ильин, да Архипко Кузмин, да Ондрюшка Сорока, да Ивашка Иванов, да Федка Степанов, да Сенка Григорьев, да Якушко Григорьев;
- л. 68 об. дв. прикащиков Ивашка//Познякова;
- дв. людцкой Ларки Иванова;
  - дв. дьячков Васки Прокофьева.
- Да крестьянских дворов:
- дв. Куземка Максимов да Июдка Фомин;
  - дв. Тренка Максимов да с ним Максимко Данилов;
  - дв. Ларка Федоров;
  - дв. Микифорко Иванов;
  - дв. Дружинка Федоров;
  - дв. Гришка Иванов;
  - дв. Ивашко Кондратьев;
  - дв. Олешка Сананьин;
  - дв. Филатко Лукьянов да с ним бобыль Федка Степанов;
  - дв. Васка Лукьянов;
  - дв. Ивашко Васильев; //
- л. 69 дв. Тренка Данилов;
- дв. Ромашко Иванов;
  - дв. Крячко Тиханов да с ним бобыль Демка Микулин;
  - дв. Ивашко Иванов Сидякин;
  - дв. Ондрюшка Микифоров, прозвище Занка;
  - дв. Федка Фролов да с ним бобыль Зиновка Данилов;
  - дв. Игнашка Федосеев;
  - дв. Мишка Иванов.
- Да пустых дворов:
- дв. Калинки Павлова;
  - дв. Истомки Васильева; сошли безвестно во 127-м году;
- л. 69 об. дв. Ивашко Пирогоева да Федки Иванова; //сошли безвестно.
И всего: двор вотчинников, а в нем живут деловые люди, двор прикащиков, двор люцкой, двор дьячков, 19 дворов крестьянских, а людей в них 24 человека, да двор дьячков, 3 двора пустых».

Акты феодального землевладения служилых дворян Волынских
в Закудемском стане Нижегородского уезда начала XVII века
(ЦГАДА, ф. 1209, д. 7480)

1626 г.

- л. 115 об. «За Федором Васильевым сыном Волынским в вотчине, что ему дано за службу, за Можайское осадное сиденье в королевичев приход под Москву из ево ж поместья, что//ему дано из государевых посопных сел: **в селе в Григорове**, а село истоит на три усада, меж усадов ключ, а в селе церковь страстотерпцов Христовых Бориса и Глеба, пошни церковные и с нынешнею придачею, что ныне по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указы церковником на пропитанье дано из вотчинниковы, из примерные земли, и с прежнею церковною землею 20 четвертей в поле, // а в дву потому ж.
- л. 116 об. А на вотчинной даче за Федором пашни паханные вотчинниковы, а пашут деловые люди, 25 четвертей. Да крестьянские пашни 80 четвертей, да перелогом 33 четверти, и обоего 138 четвертей в поле, а в дву потому ж. Земля добра.
- л. 117 По государеве вотчинные грамоте в селе Григорове в то число ево дача сполна, и достального села в поместье за // ним же, Федором.
- Да в селе ж Григорове торг да кабак, а торгуют в неделю в один день, в субботу, а таможенные и кабацкие денги збирают люди ево и крестьяня на ево, на вотчинника.
- А угодей на вотчинную дачу: за вотчинными полями сенных покосов по речке по Пальцу 100 копен. Лесу раменного пашенного по реке ж по Пальцу, по Бартенева пустошь, впч тово ж села с поместною//дачею, на полверсты и болши, а для лесные всякие угоды ездят в свои бортные леса — в Теперской, в Подлесовской, в Шесдувской ухожей вопче с розными бортники, которые в тех ухожьех ходят, да под селом же Григоровым на заполье, на речке на Пальце, на григорьевской земле, половина мелницы Болшово колеса, пуста и мелничные всякие крепо//сти оболялись. А другая половина тое мелницы в поместье на другой стороне речки Польца, за Ондреем Ошаниным.
- л. 118 об. **Деревня Долгая Поляна, а Бабкино селище тож**, на речке на Варварке, а в ней крестьянских дворов, пашни паханные 40 четвертей, да перелогом 23 четверти, и обоего: пашни паханные и перелогом, 63 четверти в поле, а в дву потому ж. Земля добра. Сена по речке по Варварке, // по ржавцом и позади поль и меж протопоповы пустоши Лавровой, 100 копен. Лесу пашенного 10 десятин, а в лесные угоды ездят в бортные леса с селцом Лопатищем вопче в Прокошевской и в Кошчевской и в Елизаровской ухожей.
- л. 119 об. **Селцо, что была деревня Лопатище** на речке на Ивашевке, стоит на три усада, в нем дв. вотчинников, а живут нем деловые люди.
- л. 119 об. Пашни паханные вотчинниковы 30 чети, да крестьян//ские пашни 66 четвертей, да перелогом 36 четвертей, и обоего: пашни паханные и перелогом, 132 четверти в поле, а в дву потому ж. Земля добра. Сена позади поль по речке по Ивашевке, да по речке по Лопатинке, да на Хмелниковской полянке 150 копен. А для лесные всякие угоды ездят в бортные свои леса, в которых ходят, в Почаплевской, в Прокошевской, в Кошчевской и в Лизаровской, вопче з бортники // тех ухожьев».
- л. 122 об. «А в списку з государевы вотчинные грамоты 127-го году, апреля в 17-й день, за приписью дьяка Герасима Мартемьянова написано: Государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси пожаловал Федора Васильевича

л. 123 Волынського за ево многие службы царя Василья // Ивановича с поместного ево окладу с 1000 чети на 200 четвертей в вотчину из ево ж поместья в Нижегородском уезде бортное село Григорово со всеми угодьи, а в нем по даче, опричь церковные земли, 265 чети, и сверх вотчинные дачи 65 чети, и тем ему лишком владеть в поместье.

А в государеве ж вотчинной грамоте 127-го году, июня в 15 день, за приписью дьяка Гарасима Мартемьянова написано: Государь царь и великий князь
л. 123 об. Михаило Федоро//вич всеа Руси пожаловал Федора Волынського за службу, за Можайское осадное сиденье в королевичев приход под Москву, в вотчину из ево ж поместья жеребей бортного села Григорова да бортного ж села Поповского, деревни Долгая Поляна, Бабкино селище тож, деревня Обатурова, деревня Лопатище со всеми угодьи.

А по даче в селе в Григорове, что осталось за его ж, Федоровою, вотчинною дачею 65 чети, а в деревне Долгой Поляне да в деревне Оба//турове и в деревне Лопатищах по даче 274 четверти, и перешло у него за вотчинною дачею в деревне в Лопатищах 74 четверти, и тем лишком владеть ему в поместье.

И всего за Федором Волынским по государевым ввозным и по вотчинным грамотам из государевых бортных сел по дачам в вотчине и в поместье 581 четверть в поле, а в дву потому ж.

л. 124 об. А 130-го году, генваря 23 дня, в памя//ти писцом из Поместного приказу за приписью дьяка Ондreja Вареева написано: дано было Федору Волынскому за сибирскую службу царя Василья Ивановича в вотчину из ево ж, Федорова, поместья на 200 четвертей, и по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу та ево вотчинная дача в книги писма и меры велено за Федором за Волынским написать в поместье.

л. 125 А 132-го году, октября в 9 день, в государеве вотчинной грамоте за приписью дьяка Венедихта Ма // хова написано: Государь царь и великий князь Михаила Федорович всеа Руси пожаловал Федора Волынського за Можайское осадное сиденье в королевичев приход под Москву из ево ж, Федора, поместья в Нижегородском уезде в селе, что была деревня Лопатище, деревня Долгая Поляна, а Бабкино селище тож, треть деревни Оботуровы, жеребей в селе в Григорове в вотчину со всеми угодьи».

**Выпись из Переписных книг Закудемского стана
Нижегородского уезда 1646 года писцов:
князя Ивана Шеховского и подьячего Прокофья Симанского
(ЦГАДА, ф. 1209, д. 296)**

л. 450 «Село Григорово, что было за околничим за Федором Васильевичем Во-
лынским в вотчине, а ныне за сыном его за Иваном.

Крестьянские дворы:

дв. Фролко Ефремов, у него три сына: Илюшка да Федка да Купряшко;

дв. два брата: Ивашко да Мишко Васильевы дети Лобачова, у Ивашка два сына:
Митка, Бориско; у Микитки сын Васка;

дв. Ромашко Олексеев, у него зять Ганка Кирилов;

дв. Савка Олексеев, у него сын Трошка;

дв. четыре брата: Ивашка, Мишка, Янка, Бориско Петровы дети Фролова;

дв. Микитка Кузмин, у него сын Ивашко;

- л. 450 об. дв. Ивашко // Кузмин Щетинин;
 дв. Игонка Кузмин Щетинин;
 дв. Савка Иванов Саратовской, у него сын Олешка, у Олешки два сына: Сергунка, Костька;
 дв. Олешка Васильев, у него два сына: Онисимко, Мишка, у Онисимка сын Мишка;
 дв. Ефремко Семенов, у него сын Ивашко, у Ивашка шесть сынов: Онтонка, Васка, Федка, Якимко, Янка, Макушка;
 дв. Матюшка Семенов Шевырин з братом своим, с Ывашком Семеновым, у Матюшки два сына: Якунка, Карпунка; у Ивашка сын Доронка; да в том же дворе брат их Илюшка Семенов, у него сын Купряшка;
- л. 451 дв. Куземка Алексеев, у него четы // ре сына: Федка, Сенка, Власко, Игнашка;
 дв. два брата: Емелка да Федосейко Степановы дети, а у него, Емелки, сын Васка;
 дв. Гришка Борисов Гладышев, а у него шесть сынов: два Ивашка, Ондрюшка, Федка, Васка, Гришка;
 дв. Осипко Ефремов, а у него шесть сынов: Гришка, Васка, Гордейко, Федка, Ивашко, Олешка;
 дв. Кирюшка Федосеев, прозвище Милюта, а у него три сына: два Васки, Никифорко;
 дв. Якунка Якимов, у него два сына: Офонка, Васка;
 дв. Васка Иванов, у него три сына: Костка, Никифорко, Кондрашка;
- л. 451 об. дв. Исачко Иванов, а у него два сына: Матюшка, // Марко;
 дв. Ивашко Ларионов, у него сын Данилко;
 дв. Панка Степанов, у него два сына: Тимошка, Гаранка, а у Тимошки сын Куземка;
 дв. два брата: Бориско, Ондрюшко Ефремовы дети, а у Ондрюшки сын Васка, у них же захребетник бобыль Васка Федоров;
 дв. Сенка Давыдов, у него зять Федка Иванов, у него ж племянник Ивашко Яковлев;
 дв. Ромашко Иванов, а у него три сына: Ганка, Костянтинка, Гришка;
 дв. Данилко Ларионов сын Токарев, а у него сын Стенка, у него ж два внука: Мишка, Ондрюшка Лазоревы дети;
 дв. два брата: Тимошка, Якунка Кондратьевы дети;
- л. 452 дв. Мишка // Орефьев, у него сын Ивашко;
 дв. Ивашко Яковлев;
 дв. Кирилко Иванов, у него сын Фирско;
 дв. Куземка Ефремов, у него два сына: Данилко, Сенка;
 дв. Гаранка Фалелеев, у него два сына: Игонка, Ерофейка;
 дв. Федка Кондратьев, у него два сына: Панкратко, Матюшка;
 дв. Якунка Кондратьев, у него два сына: Ивашка, Ондрюшка; у Ивашка сын Якунка, у него же захребетник Никифорко Кондратьев, у него сын Сергейко;
 дв. Демка Карпов, у него три сына: Овдокимко, Ивашко, Федка, у него же внук Онисимко Овдокимов;
 дв. Трошка Перфильев, у него два сына: Куземка, Ивашко;
- л. 452 об. дв. // Нестерко Васильев, у него три сына: Мишка, Ивашко, Тимка;
 дв. Стенка Кондратьев, у него сын Якунка;

- дв. Никитка Тимофеев, у него сын Петрунка да брат Ивашко Тимофеев, у него ж захребетники: Ивашко Яковлев, Васка Тимофеев;
- дв. Демка Мосеев, у него сын Ивашко;
- дв. Федка Орефев, у него два сына: Ивашко, Гришка;
- дв. Ивашко Михайлов;
- дв. Якунка Иванов, у него сын Матюшка;
- дв. Онашко Якимов, у него четыре сына: Илюшка, Сидорко, Васка, Федка;
- дв. Ларка Кондратьев, у него три сына: Федка, Трошка, Митка, у него ж внук Якунка Федоров;
- дв. Ганка Осипов, у него четыре сына: два Ивашки, // Васка, Пронка;
- л. 453 дв. Ивашко Семенов, у него ж захребетник Федка Иванов;
- дв. Варламко Семенов, у него два сына: Олешка, Федка; у него ж три внука: Данилко, Мишка, Илюшка Олексеевы дети;
- дв. два брата: Стенка, Панка Клементьевы дети, у Стенки два сына: Ондрюшка, Якимко;
- дв. два брата, оба Ивашки Терентьевы дети;
- дв. Гришка Варламов, у него три сына: Офонка, Ларька, Якимко;
- дв. три брата: Гришка, Федка, Якушко Ортемьевы дети;
- дв. Стенка Ортемьев, у него сын Тараско;
- дв. Карпунка Якимов, у него сын Петрунка;
- л. 453 об. дв. Гришка Гав // рилов, у него два сына: Ондрюшка, Кирюшка, у него ж внук Максимко Ондреев;
- дв. Ивашко Максимов, у него четыре сына: Васка, Трошка, Сенка, Сидорко;
- дв. Спирка Осинов, у него сын Ортюшка;
- дв. три брата: Гришка, Обращко, Пронка Даниловы дети;
- дв. Никитка Клементьев, у него четыре сына: Тимошка, Федка, да два Куземки;
- дв. Мишка Степанов, у него два сына: Ивашко, Филимонко;
- дв. Данилко Степанов, у него сын Ивашко;
- дв. Федка Тимофеев сын Латыня, у него два сына: Якунка, Ивашко;
- дв. Васка Степанов, у него сын Васка;
- л. 454 дв. Федка Емельянов, // а у него пять сынов: Лучка, Петрушка, Мишка, два Гришки;
- дв. два брата: Еремка, Панкратко Терентьевы дети, а у Еремки два сына: Гришка, Гарасимко;
- дв. Карпунка Иванов сын Саратовской, а у него два сына: Матюшка, Сенка, а у Матюшки сын Тимошка;
- дв. три брата: Никифорко Сидоров, Ивашко да Игонка Панкратовы дети;
- дв. Фалелейко Офонасьев, а у него два сына: Матюшка, Оска, а у Матюшки два сына: Ивашко, Мишка;
- дв. два брата: Сенка, Харитонко Григорьевы дети; а у Сенки сын Якимко;
- дв. Микитка Олексеев, а у него сын Сенка;
- дв. Якунка Иванов сын Резанов, у него три сына: Васка, // Гришка, Петрунка;
- л. 454 об. дв. Дениско Игнатьев, а у него три сына: Сенка, Васка, Ганка;
- дв. Ганка Никонов, у него сын Ивашко;
- дв. Фочка Иванов, у него три сына: Микитка, Митка, Ондрюшка, у Митки два сына: Левка, Мишка, а у Микитки сын Сенка;
- дв. Ульянко Петров, а у него сын Ивашко, а у Ивашки сын Мишка;
- дв. Сенка Кондратьев, а у него три сына: Ивашко, Андрюшка, Дениско, а у Ивашка сын Максимко;

- дв. Трифонко Прокофьев сын Жук, а у него два сына: Якушка, Тимошка, а у Якушки четыре сына: Ондрюшка, Ивашко, Васка, Никифорко;
- л. 455 дв. Никифорко Ортемьев, а у него три сына: // Ивашко, Мартемьянко, Ивашко;
- дв. Олешка Ортемьев з братьями: с Сенкою да с Федкою, у Олешки сын Васка, у Сенки сын Якимко, у Федки сын Исачко;
- дв. Левка Филипьев сын Таратора, у него сын Микишка;
- дв. Архипко Офонасев, у него два сына: Гришка, Федка; у Гришки сын Федка;
- дв. Офонка Иванов сын Бахорев, у него сын Ондрюшка, у Ондрюшки сын Матюшка;
- дв. Офонка Кирилов;
- дв. Фирско Иванов, у него три сына: Ивашко, Мишка, Фролко;
- дв. Ивашко Нефедов, у него сын Никифорко;
- дв. Васка Нефедов, у него сын Мишка;
- л. 455 об. дв. Ивашко // Якимов сын Колесников, у него три сына: Гришка, Ивашко, Петрунка;
- дв. Кондрашко Якимов, у него сын Федотка;
- дв. Ивашко Никитин, у него два сына: Тимошка, Федотка;
- дв. Петрунка Трофимов сын Жуков, у него сын Офонка;
- дв. Мосейко Терентьев, у него два сына: Тишка, Микитка;
- дв. Ивашко Никитин сын Бурко, у него сын Петрунка;
- дв. Бориско Савельев, у него два сына: Ивашко, Гришка;
- дв. Захарко Павлов, у него сын Ивашко;
- дв. Васка Логинов, у него четыре сына: Серешка, Микитка, Никонка, Кирюшка;
- л. 456 дв. два брата: Ивашко, Федка Клементь // евы дети;
- дв. Ивашко Тимофеев, у него два сына: Офонка, Тараско;
- дв. Иевко Савельев, у него три сына: Данилко, Никифорко, Олешка;
- дв. Кирюшка Панфилов, а у него пять сынов: Куземка, Петрунка, два Фетки, Мишка, у Куземки два сына: Савка, Петрунка;
- дв. Ондрюшка Семенов, у него три сына: Стенка, Левка, Тимошка;
- дв. Евтифейко Семенов сын Казаков, у него три сына: Офонка, Серешка, Пронка, у Офонки три сына: Юшка, Пашка, Мишка;
- дв. Гришка Петров, а у него два сына: Пронка, Мишка;
- л. 456 об. дв. Сенка Савельев, у него четыре сына: Васка, Гришка, Ромашко, // Митрошка;
- дв. Кирюшка Федоров, а у него сын Сидорко;
- дв. Тимошка Иванов сын, кузнец, а у него сын Ивашко;
- дв. Данилко Тарасьев сын Чичюр, а у него три сына: Костка, Ивашко, Якушка;
- дв. Ивашко Исаев сын Лобачов, а у него два сына: Костка, Ивашко, а у Костки два сына: Максимко, Якунка;
- дв. Матюшка Иванов сын Резанов, а у него четыре сына: Петрунка, Овдокимко, Федка, Никифорко;
- дв. Тимошка, Офонка, Васка Даниловы дети;
- дв. Еремка Терентьев, а у него три сына: Петрунка, Сенка, Митка, а у Митки два сына: Куземка, Ганка, а у Петрунки сын Гришка;
- л. 475 дв. два брата: Левка, // Микитка Ивановы дети;
- дв. Олешка Иванов сын Сурин, а у него три сына: Петрушка, Иевко, Ондрюшка. Да в том же селе Григорове бобыльских дворов:
- дв. Тимошка Ананьев, а у него два сына: Кузка, Ивашко;

- дв. Ивашко Осипов, а у него сын Гришка;
- дв. Гришка Оксентьев, а у него четыре сына; Олешка, Васка, Тимошка, Оска;
- дв. два брата: Ивашко, Нестерко Михайловы дети;
- дв. Вахромейко Митрофанов, а у него два сына: Ивашко, Лифанко;
- дв. Гришка Иванов; //
- л. 457 об. дв. Тимошка Никифоров, а у него два сына: Кондраша, Ивашко;
- дв. Митка Еремеев, а у него два сына: Тимошка, Оничка;
- дв. Гришка Иванов сын Сурин, а у него сын Игошка;
- дв. Гришка Офонасьев, а у него два сына: Петрунка, Стенка;
- дв. Демка Алексеев;
- дв. Серешка Савельев;
- дв. Ивашка Петров, а у него два сына: Ларка, Федка;
- дв. Стенка Ондреев, а у него сын Оска;
- дв. Еремка Терентьев;
- дв. Ивашко Устинов;
- дв. Федка Харитонов, у него сын Федка же;
- л. 458 дв. Мишка Фролов, а у него сын Данилко, у Данилки три сына: Гришка, // Левка, Васка;
- дв. Федка Семенов сын кирпичник, у него сын Офонка;
- дв. Стенка Петров, у него сын Карпунка;
- дв. Ивашко Мосеев, у него сын Ромашко;
- дв. Тимошка Семенов, у него три внука: Митка, Ивашко, Якимко;
- дв. Потапко Иванов, у него два сына: Ондрюшка, Микитка;
- дв. Федка Борисов сын Поспелов, у него два сына: Карпунка, Ондрюшка;
- дв. Пронка Иванов, у него сын Ивашко;
- дв. Лучка Григорьев, у него сын Петрушка;
- л. 458 об. дв. Левка Васильев, // у него сын Петрушка;
- дв. Мартынка Иванов;
- дв. два брата: Федка, Ганка Ондреевы дети;
- дв. Митка Павлов;
- дв. Илюшка Обросимов, у него шурин Митка Федоров;
- дв. Юшка Степанов сын Епишев, у него четыре сына: Пашка, Моска, Ганка, Федка;
- дв. Ивашко Карпов, прозвище Шестачко;
- дв. Ивашко Федоров;
- дв. Микитка Иванов, у него шурин Данилка Иванов;
- дв. Стенка Иванов, у него сын Мишка;
- дв. Мишка Филипов сын, слепой, у него сын Васка;
- дв. Купряшка Лаврентьев;
- дв. Петрунка Михайлов.
- Да в том же селе
двор пустой Стенки Иванова, и тот Стенка на Москве у Ивана Волинского //
- л. 459 в дворниках».
- л. 471 «За столником за Петром Васильевым сыном Шереметевым в вотчине, что
- л. 471 об. была за // Федором Волинским, село, что была **деревня Лопатица:**
- дв. два брата: Павелко, Гаврилко Григорьевы дети, у Павелка четыре сына:
Сенка, Куземка, Ромашко, Никитка, а у Гаврилка сын Овдокимко;
- дв. Фирско Левонтьев, у него внук Ивашко Исаков;

- дв. Ивашко Федоров, у него брат Ивашко Ондреев;
дв. три брата: Онисимка да Нефедко да Лукоянко Марковы дети, а у Онисимка четыре сына: Митка, Стенка, Ивашко, Онтипка;
дв. Лучка Яковлев, а у него три сына: Офонка, Ондрюшка, Гаврилко;
дв. Оверкейко Иванов, у него сын Лаврушка;
- л. 472 дв. Родка Фомин, у него два сына: // Моисейко, Гаврилка, у Моисейка сын Микитка;
дв. Стенка Тимофеев, у него три сына: Осипко, Пронка, Сенка;
дв. Якунка Григорьев, у него сын Куземка;
дв. два брата: Макарко да Васка Дементьевы дети;
дв. Максимко Данилов, у него два сына: Ивашко, Самойлко, у Ивашка четыре сына: Елистратко, Петрунка, Пашка, Архипко, у Самойлка сын Ивашко;
дв. Меркушка Титов, у него два сына: Данилко, Петрунка;
дв. Волотка Иванов, у него пять сынов: Офонка, Ивашко, Мишка, Кондрашко, Васка; //
- л. 472 об. дв. Матвейко Федоров, у него два сына: Пронка, Стенка;
дв. Гришка Иванов, у него четыре сына: Онтонко, Микитка, Ларка, Микитка, у Онтонка два сына: Оникейко, Герасимко, у Микитки сын Овдокимко;
дв. Аврамко Мокеев, у него три сына: Меркулейко, Осипко, Ондрюшка, да у него ж брат Нефетко Мокеев;
дв. Кирилко Иванов, у него семь сынов: Петрунка, Кипреянко, Фетка, Илюшка, Ивашко, Офонка, Меркулейко;
дв. Олешка Онаньин, у него сын Микифорко, у Микифорка сын Сенка; //
- л. 473 дв. Гришка Лукоянов, у него четыре сына: Ивашко, Мишка, Микифорко, Волотка;
дв. Кирюшка Лукоянов;
дв. Филатко Лукоянов, у него два сына: Ивашко, Васка;
дв. Васка Лукоянов, у него сын Волотка, а у Волотки два сына: Тишка да Фетка, да у него ж внук Офонка Васильев;
дв. Тишка Марков, у него три сына: Онисимко, Ондрюшка, Левка;
дв. Онкудинко Дмитриев, у него сын Якимко;
дв. Гришка Сидоров;
дв. Волотка Иванов, у него четыре сына: Игнашко, Микитка, Васка, Пронка; //
- л. 473 об. дв. Ивашко Иванов, у него сын Ивашко;
дв. Трошка Иванов, у него два сына: Ивашко да Прохорко, да у него ж пасынок Калинка Исаков;
дв. Никифорко Васильев, у него четыре сына: Онофрейко, Кирюшка, Кононко, Куземка, у Кирюшки сын Осташка;
дв. Тишка Иванов, у него три сына: Фочка, Якунка, Ивашко;
дв. Тараско Романов;
дв. Ивашко Романов, у него два сына: Федка, Савка; у него ж племянник Ивашка Ларионов;
дв. Тишка Дмитриев, у него сын Тимошка;
- л. 474 дв. Ивашко Иванов, у него два сына: Трошка, // Фетка, а у Трошки два сына: Родка, Максимко;
дв. два брата: Панкратко, Микитка Петровы;
дв. Левка Иванов, у него пять сынов: Ромка, Микитка, Васка, Федка, Ивашко;

- дв. Куземка Иванов, у него пасынок Куземка Митрофанов;
- дв. Ульянко Иванов, у него четыре сына: Тимошка, Ивашко, Игнашко, Васка;
- дв. Калинка Павлов, у него три сына: Кирюшка, Офонка, Пронка, а у Кирюшки два сына: Митка, Гришка;
- дв. Гришка Григорьев, у него брат Сенка Никифоров;
- л. 474 об. дв. Фомка Федоров, у него два//сына: Матюшка, Стенка;
- дв. Пантелеймонко Лукоянов, у него четыре сына: Лазорко, Ивашко, Макарко, Гаврилко да пасынок Илюшка Игнатъев, а у Ивашка сын Данилко;
- дв. Ларка Родионов, у него два сына: Офонко да Гарасимко;
- дв. Пронка Игнатъев, у него четыре сына: Першка, Бориско, Фетка, Ивашко;
- дв. два брата: Ивашко, Онкудинко Игнатъевы дети, у Ивашка три сына: Тимошка, Ефремко, Васка, у Онкудинка сын Ондрюшка;
- дв. Оникейко Игнатъев, у него пять сынов: Тараско, Филка, Данилко, Оска, //
- л. 475 Васка;
- дв. Мишка Иванов, у него сын Куземка, у Куземки сын Ивашко;
- дв. Ондрюшка Марков, у него сын Петрушка.
- Да в селе ж Лопатищах бобылских дворов:
- дв. два брата: Ивашко да Трошка Ивановы, у Трошки два сына: Стенка, Фомка;
- дв. Ивашко Никифоров, у него три сына: Данилко, Тимошка, Ивашко;
- дв. Гаврилко Иванов;
- дв. Филка Данилов, у него три пасынка: Демка, Огафонко, Ивашко Степановы дети;
- л. 475 об. дв. Захарко Федоров, у него три сына: Маркушка, Лазо//рко, Васка;
- дв. Климко Петров, у него три сына: Петрунка, Никифорко, Ортюшка;
- дв. Олферко Титов;
- дв. вдова Парасковьица Игнатъева, у нее сын Офонка Гаврилов;
- дв. Стенка Степанов, у него два сына: Родка, Власко;
- дв. Офонка Игнатъев;
- дв. Васка Иванов, у него два сына: Ермолка, Никитка;
- дв. Гришка Степанов, у него пасынок Ивашко Сергеев».

**Межевая книга села Григорова 1683 года писцов:
Степана Владыкина и подьячего Конона Ускова
(ЦГАДА, ф. 1209, д. 300)**

- л. 13 «Лета 7192-го, ноября в 1 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержцев и по грамоте ис Помесного приказу за приписью дьяка Онисима Невежина, по челобитью боярина Ивана Федоровича Волынского межешник Степан Тимофеевич Владыкин да подьячей Конон Усков с понятыми околными и старожилцы многими людьми, приехав в Нижегородцкой уезд, в Закудемской стан, в вотчину боярина Ивана Федоровича Волынского села Григорова в бортной ево вотчинной Григоровской лес, Подлесовской ухожей, и того бортного лесу нет, ныне мелкой раменной лес, чем владели насилством Печерского монастыря архимандрит з братьею и вотчины их // села Шпилева и деревни Орлова крестьяня Игнашка Петров с товарищи, и при тех понятых околных людех и старожилков по Отказным книгам, отказу Соловод Матюнина, подьячего нижегородцкого Степана Назарьева 189-го году, и по прежним старожило-
- л. 13 об.

вым и по бортниковым скаскам, как по судному же делу сыскивано повальным обыском, тое вотчинную землю, что был бортной вотчинной Григоровской лес, Подлесовской ухожей, отмежевали боярину Ивану Федоровичу Волынскому и столбы поставлены и ямы покопаны и всякие признаки учинены от вотчинные земли Печерского монастыря села Шпилева и деревни Орловы и от иных разных помещиков и вотчинников, а что боярину Ивану Федоровичу Волынскому в той ево вотчине села Григорова з деревнями бортного Подлесовского ухожья от Печерскаго // монастыря, от села Шпилева и от деревни Орловы, отмежовано, и то писано в сих Межевых книгах подлинно ниже сего.

л. 14

А межа боярина Ивана Федоровича Волынского от вотчинной земли Печерского монастыря села Шпилева той ево вотчинной земле, что был вотчинной Григоровской лес, Подлесовской ухожей: у вершины речки Мочалки, что стоял дуб з бортничьи знамены, а ныне по досмотру тот дуб ссечен, а с той вершины речки суходол, а воды нет, и того дуба стоит пень дубовой, вышиною человеку в груди, а на нем бортничьих знамен нет, и у того пня и у дорожки поставлен столб дубовой, на нем две грани, возле ево яма, а в яме кости и уголье, изгарь железная и камень и береста.

л. 14 об.

А от того пня и столба // одна грань указывает до вершины речки Мочалки, налево мерою 18 сажен, а другая грань указывает вперед по дорожке по граням. А тот столб утинной поставлен на вотчинной земле боярина Ивана Федоровича Волынского в мелком раменном лесу: левая сторона — земля и лес боярина Ивана Федоровича Волынского села Григорова и деревни Замочалья и Поляны, а правая сторона — земля и лес Печерского монастыря села Шпилева з деревнями.

А от того столба и от ямы и от пня, от старой признаки вперед по дорожке ж в левой стороне столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости и уголье и железная изгарь, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы по дороге, в левой стороне, прямо столб же, на нем грань, а возле ево яма, а в ней кости и уголье и железная изгарь, камень // и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 15

А от того столба и от ямы прямо по дороге в левой стороне столб, на нем грань, а возле ево яма, а в яме кости и уголье и изгарь железная, камень и береста, а мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы по той же дорожке в левой стороне столб, на нем грань, а возле ево яма, а в яме кости и уголье и изгарь железная и камень и береста, а мерою меж столбов 100 сажен.

От того столба и от ямы по дороге в левой стороне столб, на нем грань, а возле ево яма, а в яме кости и уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы в левую сторону мелким раменным лесом прочищено к валу и вышед из раменного лесу столб, на нем грань, а возле ево яма, а в яме кости // и уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 15 об.

А от того столба и от ямы прямо по валу столб, а возле ево яма, а в яме кости и уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо ж по валу столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье и железная изгарь, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо по валу ж в перелеске, в левой стороне стоит илмовой пень сух, на нем отросли и грань, а возле ево яма, а в яме кости и уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столба и пня 106 сажен.

л. 16 А от того пня и от ямы прямо ж в мелкой раменной лес по валу в левой стороне столб, на нем грань, а возле ево яма, а в яме кости и уголье и изгарь железная, камень // и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы вправо мелким же раменным лесом по валу ж столб, на нем грань, а возле ево яма, а в яме кости, уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы мелким же раменным лесом вправо немного по валу ж столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо по валу столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 16 об. А от того столба и от ямы прямо по валу подле дороги, что ездят из деревни Замочалья в село Шпилево, из села Шпилева в Замочалье, столб, на нем // две грани, а возле ево яма, а в яме кости, уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 140 сажен.

А от того столба и от ямы одна грань указывает по той Замочальской дороге вперед, а другая грань указывает назад. По граням левая сторона земля и лес села Григорова з деревнями боярина Ивана Федоровича Волынского, правая сторона — земля и лес Печерского монастыря села Шпилева з деревнями.

А от того столба и от ямы по дороге в левой стороне столб, на нем грань, а возле ево яма, в яме кости, уголье и изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 17 От того столба и от ямы по дороге ж в левой стороне столб, на нем грань, возле ево яма, в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж // столбов 100 сажен.

От того столба и от ямы через дорогу в правой стороне в вершине врагов по валу столб, а на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы подле врага и мелкого лесу столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости и уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы подле большого врага и мелкого раменного лесу столб, а на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 17 об. А от того столба и от ямы в мелком раменном лесу столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж // столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы, прямо тем же мелким раменным лесом столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

От того столба и от ямы через поляну прямо мелким же раменным лесом

столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, а мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы тем же мелким раменным лесом прямо столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 18 А от того столба и от ямы тем же мелким раменным лесом прямо столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, // мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба, вышед из раменного лесу к селу Шпилеву, на полянке столб, на нем грань, а возле ево яма, а в яме кости, уголье, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо в полевой земле столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы немного вправо столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 18 об. А от того столба и от ямы прямо столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, // изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо к селу Шпилеву столб, на нем две грани, возле ево яма, в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 116 сажен.

А от того столба и от ямы одна грань указывает назад по граням, другая грань указывает в левую сторону к Орлову врагу, левая сторона — земля и лес боярина Ивана Федоровича Волынского, а правая сторона — земля и лес Печерского монастыря.

И от того столба и от ямы, поворота в левую сторону круто к Орлову врагу, столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 19 А от того столба и от ямы на столб же, на нем грань, что поставлен у большие Арзамасские дороги, и что // ездят в Шпилево, возле ево яма, в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 108 сажен.

А от того столба и от ямы прямо на столб, на нем грань, а возле ево яма, в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо к Орлову врагу, а у Орлова врага столб з гранями, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, одна грань указывает назад по граням, а другая грань указывает вкруте налево к Удомской вершине. Левая сторона земля боярина Ивана Федоровича Волынского села Григорова з деревнями, а правая сторона — Печерского монастыря вотчины деревни Орлова, мерою меж столбов 80 сажен.

л. 19 об. И от // того столба и от ямы прямо подле Орлова врага в полевой же земле столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме, кости, уголье, изгарь железная, каменье и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо в полевой же земле столб, на нем грань,

возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо ж подле дорожки к Удомской вершине столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы вперед по дорожке к Удомской вершине в левой стороне столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, каменная и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 20 А от того столба // и от ямы по дороге ж в мелком раменном лесу в левой же стороне столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба из дорожки в левую сторону, на луговой земле столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба и от ямы прямо луговою землею возле мелкого раменного лесу столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

А от того столба вперед — левая сторона земля и лес и сенные покосы боярина Ивана Федоровича Вольтинского, а правая сторона — земля и лес и сенные покосы села Вельдеманова розных помещиков. //

л. 20 об. Да от того столба и от ямы через мелкой раменной лес, вышед на луговой земле, столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, а с того столба грань указывает к Удомской вершине, мерою меж столбов 150 сажен.

А от того столба и от ямы прямо луговою ж землею и через перелесок мелкой, вышед на полевою землею, столб, на нем грань указывает влево к Удомской вершине, возле ево яма, а в ней кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 110 сажен.

л. 21 А от того столба и от ямы влево пашенною землею возле мелкого раменного лесу стоит пень ивовой сух, а ис того пня столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста. А с того // столба грань указывает вперед к Удомской вершине, мерою меж столбов 140 сажен.

А от того столба и от ямы в полевой же земле столб, на нем грань, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, мерою меж столбов 100 сажен.

л. 21 об. А от того столба и от ямы прямо полевою ж землею возле мелкого раменного лесу столб, на нем две грани, возле его яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста, одна грань указывает назад по граням, а другая грань указывает через мелкой раменной лес прямо на Березовое болото к Удомской вершине, мерою меж столбов 70 сажен: направо земля и лес села Вельдеманова розных помещиков, а налево земля и лес боярина Ивана Федоровича Вольтинского // села Григорова з деревнями.

А от того столба и от ямы мелким раменным лесом по смете того раменного лесу будет с 4 десятины и болши. У дорожки лесной столб з гранями, возле ево яма, а в яме кости, уголье, изгарь железная, камень и береста: одна грань указывает назад через мелкой раменной лес по граням же, а другая грань указывает вперед немного вправо к Березовому болоту, к Удомской вершине.

А от того столба и от ямы прямо мелким же раменным лесом столб, на нем

Научно-популярное издание

ФИЛАТОВ
Николай Филиппович

На родине огнепального АВВАКУМА

Редактор **Н. Н. Ступишина**
Худож. редактор **В. В. Кременецкий**
Техн. редактор **Г. В. Стачева**
Корректор **Н. Ю. Махалова**

ИБ № 24032

Сдано в набор 28.01.91. Подписано к печати 24.05.91. Формат 84×108¹/₁₆.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Банниковская». Печать оф-
сетная Усл.-печ. л. 6,72+вкл. 0,42. Уч.-изд. л. 5,06+вкл. 0,46. Усл. кр. отт. 14,28
Тираж 15000 экз. Заказ № 3456. Цена 3 руб.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, Нижний Новгород,
Кремль, 4-й корпус.

Типография издательства «Горьковская правда»,
603006, Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.